ДБ
380
Ш-59

Шилов А.
Каракозов
и
покушение
4 апр. 1866 г.
Пг., 1919 г.

инв. 27319

№ 3
7319/2

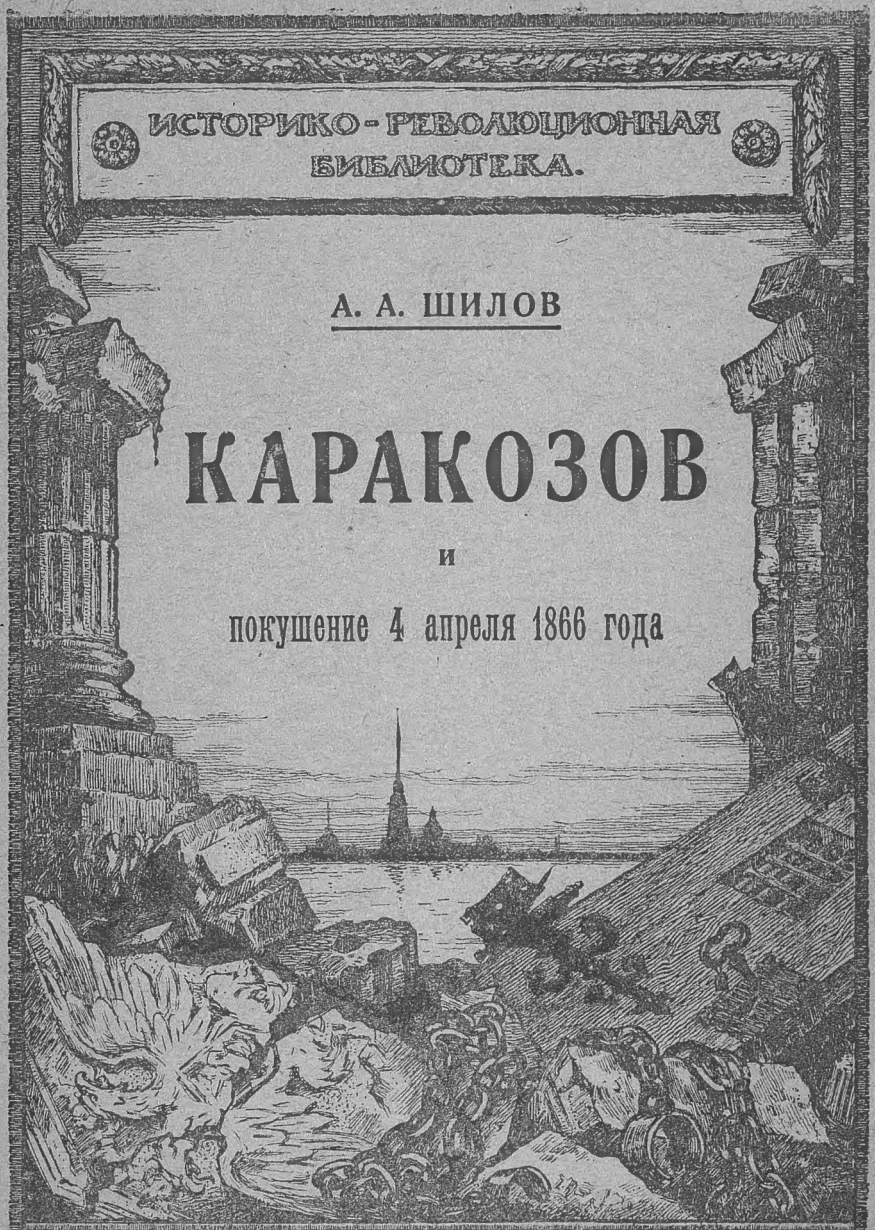
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА.

А. А. ШИЛОВ

КАРАКОЗОВ

и

покушение 4 апреля 1866 года



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ▫ 1920

7319/18

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена **не может быть повышена.**
Государственное Издательство.

КАТАЛОГ КНИГ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.
ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

Просп. 25 октября, д. 28.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

	Р.	К.
Алексеев и Варлен. Две речи	—	70
Арну. Мертвецы Коммуны	—	45
Его-же. Народная история Парижской Коммуны	10	—
Афиногенов (Степной), Н. Записки ополченца. Разошлось	1	25
Бакс. Парижская Коммуна	1	75
Барбюс. В огне. Дневник полувзвода. Перев. Арденина. 1-е и 2-е издания разошлись. Печатается 3-е издание.	30	—
Басов Верхоянцев. Венок. Сказки	5	—
Бебель, А. Интеллигенция и социализм	1	25
Его-же. Из моей жизни. Мемуары, т. I.	7	50
Его-же. „ „ „ „ т. II, ч. I.	20	—
Его-же. „ „ „ „ т. II, ч. II.	40	—
Его-же. „ „ „ „ т. III	50	—
Его-же. Христианство и социализм	—	50
Его-же. Положение женщины в настоящ. и будущ.	5	—
Бессалько. Алмазы востока. Сказки с иллюстрациями.	8	—
Блосс, В. История французской революции	32	—
Беллами. Равенство	—	—
Богданов. Красная Звезда	5	20
Его-же. Инженер Мэнни	7	—
Браке. Долой социал-демократов.	1	—
Брусянин. В борьбе за труд	3	—
Бухарин. Программа коммунистов	1	75
Его-же. Долой международных разбойников. Разошлось. Печ. 2-е изд.	—	40
Его-же. Классовая борьба и революция в России	1	80
Быстрянский. Империализм	—	35
Его-же. Армия империализма и армия революции. Война империалистическая и война революционная.	2	—
Его-же. Империалистическая Англия против социалистической России	—	40
Его-же. Рабоче-крестьянская революция в России в оценке буржуазной публицистики	2	—
Вандервельде. Социализм и искусство.	—	90
Ватин. Что такое коммуна?	—	20
Вейтлинг. Человечество, каково оно есть и каким должно быть.	—	85
Величкина, В. Борец за свободу Вильгельм Вейтлинг	1	—
Венок коммунаров. Сборн. памяти В. Володарского, с рисунками	4	—
Войнич, В. Овод. Роман. Пер. с английского З. Венгеровой	4	50
В-ик, Л. Уголок немецкой оккупации.	—	50
Володарский, В. Напутственная речь агитаторам. 3-е издание	—	50
Его-же. Речи.	15	—
Волховский. Сказание о царе Симеоне.	1	25
Враги ли евреи рабочим и крестьянам. Разошлось. Печат. 2-е изд.	—	40
Гайк-Ад-янц. Крестьянский вопрос во Франции	—	55
Гауптман. Ткачи. Драма	3	—
Его-же. Пред восходом солнца. Драма.	10	—
Геккель, Э. Происхождение человека.	3	—
Герром, Г. От революции к революции.	1	20
Горичев. Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1000 р. при 6 и 8 час. рабочем дне	5	—
Горлов, Н. Темные силы, война и погромы	—	40
Горький, Максим. Макар Чудра. С иллюстр.	1	—
Его-же. Челкаш	1	50
Его-же. Двадцать шесть и одна	1	50
Его-же. Дед Архип и Ленька	1	10
Его-же. Емельян Пилай	1	20
Его-же. Дело с застежками	—	80
Его-же. На плотах	1	30
Его-же. Мальва	1	80
Его-же. Коновалов	2	60
Его-же. Тюрьма	6	—
Его-же. Проходимец	10	—
Его-же. Скуки ради	1	40
Его-же. Васька Красный	2	50
Его-же. Кирилка	1	30
Его-же. О евреях	1	10
Его-же. Как я учился	—	90
Его-же. Мое обращение	—	10
Гра, Ф. Марсельцы	7	—
Грейлих, Г. Буржуазная революция и освободительная борьба рабочего класса	1	40
Гусев. Теория пролетариата (научный социализм)	1	20
Декав. Фленго. Рассказ из времен Коммуны 1871 г.	—	25
Декреты о суде.	1	50
Демьян Бедный. Земля обетованная	1	20
Его-же. В огненном кольце	1	50
Его-же. Песни прошлого	3	—
Его-же. Сытый голодного не разумеет	4	50
Дицген. Религия социал-демократии.	3	50
Евреи, классовая борьба и погромы.	—	40

Дмитрий Владимирович
Каракозов

27319/8° V
ДБ 380 Ш 59
323.2(47)

Историко-революционная библиотека

А. А. Шилов

КАРАКОЗОВ

и

покушение 4 апреля 1866 года

709
9(47)
Ш.59
БИБЛИОТЕКА Инстит. Красн. Профес. Инв. №

Государственное издательство
ПЕТРОГРАД, 1919

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
27319 | 8°

Д. В. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г.

«Если бы у меня было сто жизней а не одна, и если бы народ потребовал, чтобы я все сто жизней принес в жертву народному благу, клянусь всем, что только есть святого, что я ни минуты не поколебался бы принесть такую жертву!» (Показание Д. В. Каракозова).

I.

Первое покушение на жизнь Александра II, произведенное Д. В. Каракозовым 4 апреля 1866 г., явилось для всех полною неожиданностью. Насколько оно было непонятно для современников, показывает хотя бы нелепая легенда о том, что в царя стрелял дворянин-помещик, желавший отомстить ему за освобождение крестьян. Легенда эта, несмотря на свою нелепость, долго держалась в народных массах, малоосведомленных и не разбиравшихся в истинном положении дел. Но не только массы не понимали настоящих причин покушения: оно было непонятно и для многих современников; наконец, оно может показаться странным нам, для которых события 60-х годов являются уже далекой историей. Кажется непонятным это *первое* покушение на царя, и притом на царя, имя которого так тесно связано с освобождением крестьян, с эпохой широкого общественного движения и важнейших реформ. Почему русское общество, почти беспрекословно терпевшее в течение долгого времени ужасающий полицейский гнет Николая I, так решительно запротестовало против царя-реформатора, царя-освободителя крестьян от крепостной зависимости? Чем был выстрел 4 апреля—случайным делом безумного фанатика или логическим выводом из всего предшествовавшего? Действовал ли стрелявший самостоятельно или за ним скрывался целый политический заговор? Понять покушение Каракозова правильно можно только познакомившись с той обстановкой, в которой оно произошло; поэтому лучшим

ответом на поставленные вопросы может быть обзор, хотя бы и самый беглый, тех событий и общественных настроений, которые предшествовали 4-му апреля 1866 г.

Самонадеянно вызванная Николаем I Крымская война закончилась падением Севастополя и полным разгромом России. Военные неудачи показали всем полную гнилость видимого могущества так долго державшегося «колосса на глиняных ногах». Понял это и сам Николай I, неуклонно поддерживавший в течение тридцати лет свою политическую систему; недаром на смертном одре он сказал своему сыну: «сдаю тебе команду не в добром порядке!» Перед Александром II, принявшим 19 февраля 1855 г. эту «команду», сама жизнь выдвинула две основных задачи: скорейшую ликвидацию войны и немедленный приступ к коренным преобразованиям.

Следует сказать, что Александр II рисуется обыкновенно убежденным сторонником реформ, желавшим провести их в жизнь в силу своих гуманных настроений и внутренних побуждений. Такой взгляд на Александра II нельзя признать правильным, напротив, все, что мы знаем о нем до вступления на престол, показывает его убежденным поклонником политической системы Николая I, и значительная часть реакционных мер последних лет предшествовавшего царствования была проведена в жизнь не без его участия. Даже по отношению к крестьянскому делу Александр II был правее своего отца, и во всех комитетах, в которых он участвовал в бытность наследником, он неизменно поддерживал интересы помещиков. И тем не менее, не будучи сторонником реформ по характеру, Александр II все-таки силою обстоятельств был вынужден сделаться реформатором, так как хорошо сознавал, что если он будет бороться с запросами жизни так же, как боролся его отец, то это поведет лишь к полному развалу государства. Припомним его слова, что *лучше* начать освобождение крестьян сверху, чем дожидаться этого освобождения снизу. Реформы были проведены Александром II скорее наперекор его собственным взглядам, ради сохранения самодержавной власти, убежденным сторонником которой он оставался до последних дней своей жизни. Это следует особенно помнить при дальнейшем изложении, иначе остается совершенно непонятным, почему Александр II, так ретиво принявшийся за реформы в начале царствования, в дальнейшем действовал совершенно в противоположном духе и почему он так решительно протестовал про-

*

тив всякого вмешательства общественных сил в управление страною, в котором он видел лишь попытки умалить его самодержавную власть.

Отмена некоторых реакционных указов и постановлений последних лет царствования Николая I (бо́льшая свобода печати, разрешение на свободный выезд за границу и т. п.), не требовавшая никакой предварительной разработки, была первой уступкою общественному настроению, взбудораженному неудачами Крымской кампании. Этими незначительными уступками Александр II сразу же приобрел и репутацию сторонника преобразований и всеобщее доверие к себе. В обществе послышались тотчас голоса, призывавшие всех к об'единению и к дружной работе рука об руку с правительством. «Время теперь такое,—писал в ноябре 1855 г. один из передовых людей той эпохи К. Д. Кавелин,—что всем честным и благомыслящим людям в России надобно забыть о взаимных неудовольствиях и оставить несогласие в образе мыслей на второй план, а на первый—единство, доверие взаимное, соглашение хоть в том, в чем согласиться можно». Такое об'единение тем легче могло быть достигнуто, что программы преобразований, исходившие из различных общественных групп, были в общем сходны и не заключали никаких неумеренных требований: распространение просвещения, улучшение цензурных условий, меры к поднятию русской промышленности и, главным образом, «разумное распределение экономических сил»—вот, например, программа, выдвинутая в 1856 г. Н. Г. Чернышевским, который через несколько лет явился главою русского революционного движения. Под «разумным распределением экономических сил», конечно, понималось уничтожение крепостного права, о чем еще не разрешалось говорить открыто.

«Государь, дайте свободу русскому слову», писал еще в марте 1855 г. изгнанник Герцен.—«Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора. Дайте нам вольную речь... Нам есть что сказать миру и своим.

«Дайте землю крестьянам, — она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братий—эти страшные следы презрения к человеку.

«На первый случай нам и этого довольно!»

Как будто в ответ на эти программы явился манифест 19 марта 1856 г. по поводу окончания Крымской войны. «Да утверждается и совершенствуется *внутреннее* благоустройство России, говорилось в нем, правда

и милость да царствуют *в судах* ее; да развивается повсюду и с новой силой стремление *к просвещению* и всякой полезной деятельности, и *каждый* под сенью законов, для *всех равно справедливых, всем равно покровительствующих*, да наслаждается в мире плодами трудов невинных»... В подчеркнутых словах манифеста, несмотря на их неясность и туманность, русское общество совершенно правильно усмотрело правительственную программу преобразований, вполне совпадавшую с требованиями, выдвинутыми общественными группами. Последовавшая вскоре речь Александра II к московскому дворянству, в которой он ясно подчеркнул свое желание освободить крестьян раньше, чем они освободят себя сами, положила конец всяким недоумениям. С этого времени ту сонную апатию, которая охватила общество в царствование Николая I, сняло как рукой:—одни с радостной готовностью приветствовали наступление новых порядков, другие со скрежетом зубовным проклинали ненавистных преобразователей, но никто не мог остаться равнодушным к грядущим событиям. И столица, и провинция стали неузнаваемы. Везде жизнь забила ключом. «Крестьянский вопрос, пишет участник этих событий, поднял все на ноги, все заглушил, затмил и поглотил собою, многие с ума сошли, многие умерли. Нет ни палат, ни дома, ни хижины, где бы днем и ночью не думал, не беспокоился, не робел большой и малый владелец». «В последние два года провинция росла не по дням, а по часам: взгляд ее расширился и уяснился. В самых глухих городах, где до сих пор все насущные интересы состояли в картах, водке, взятках и сплетнях, являются библиотеки, журналы и газеты выписываются десятками экземпляров»—так характеризует перемену провинциальных настроений в конце 1850-х годов другой современник. Новые требования выдвинули людей, которые деятельно принялись проводить в жизнь осуществление неотложных задач. Насколько сильно было это общественное возбуждение и стремление к объединению, показывает то обстоятельство, что даже из среды правящей бюрократии, всегда враждебно относившейся ко всяким общественным начинаниям, выдвигались новые люди. Таким выразителем новых прогрессивных сил дружною крестьянской реформы явился Н. А. Милютин, названный Некрасовым «кузнецом-гражданином», совместивший в своей личности и деятельности и представителя правящей бюрократии, и представителя передовой интеллигенции.

При таком единодушном настроении началась крестьянская реформа. Но за моментом всеобщей радости последовали годы тревог и сомнений

Прежде всего сам Александр II с неудовольствием замечал, что вызванные им же самим общественные силы страны заходят в своих требованиях гораздо дальше, чем это было ему желательно. В своей придворной обстановке Александр II как бы находился меж двух огней. С одной стороны его побуждали к реформам брат Константин Николаевич и тетка Елена Павловна, бывшие душою прогрессивной партии; с другой—тайные и явные крепостники, тесным кольцом окружавшие Александра II, оказывали на него давление; они нашептывали ему, что в день освобождения крестьян начнется всеобщее избиение помещиков и что России ждет новая пугачевщина. Такое положение дел создавало первое настроение в общество. Под влиянием крепостников был удален Н. А. Милютин, так как его находили «слишком красным». Печати снова был зажат рот. Возникал даже вопрос—состоится ли само освобождение. Все дело велось в строжайшей тайне настолько, что даже манифест об освобождении крестьян, подписанный 19 февраля, был об'явлен только 5 марта. Его держали в секрете две недели, потому что 26 февраля в том году начиналась масленица и боялись, что в деревнях пьянство в эти дни вызовет бунты. Даже масленичные балаганы переведены были с Дворцовой площади на Марсово поле, подальше от дворца, из опасения народного восстания. Войскам были даны самые строгие инструкции, как усмирять беспорядки. Вот с каким недоверием к обществу и народу правительство осуществляло реформы.

В самом обществе уже не было прежнего единодушия. По мере того как развертывались реформы, сталкивались интересы различных общественных групп и классов,—образовывались партии, стоявшие, правда, в оппозиции к правительству, но выдвигавшие разнообразные политические требования. Так, например, крупное дворянство, желая попрежнему сохранить первенствующее положение в государстве, требовало от правительства расширения своих политических прав и участия в управлении страною, как бы в виде вознаграждения за потерю крестьян. Эта группа стремилась только к расширению своих прав, не распространяя их на другие сословия. Другая группа—среднее дворянство, неудовлетворенная половинчатыми реформами правительства, стояла на более широкой либерально-демократической точке зрения. «Предполагая, даже, полную готовность правительства провести реформы,—гласит постановление тверского дворянства 1862 г.,—дворянство глубоко проникнуто тем убеждением, что правительство не в состоянии их совершить. Свободные учреждения, к которым ведут эти реформы, могут выйти

только из самого народа... Посему дворянство не обращается к правительству с просьбой о совершении этих реформ, но, признавая его несостоятельность в этом деле, ограничивается указанием того пути, на который оно должно вступить для спасения себя и общества. *Этот путь есть собрание выборных от всего народа без различия сословий*... Собрание выборных от всей земли русской представляет единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных положением 19 февраля».

Еще дальше в своих требованиях шла революционно-настроенная разночинская интеллигенция, ближе стоявшая к народу и совершенно не удовлетворенная правительственными реформами. Рядом со статьями Добролюбова, Чернышевского, Писарева в различных легальных журналах того времени («Современник», «Русское Слово» и друг.) с 1861 г. появляются первые произведения подпольной печати; они печатаются как за границей, так и в России и сразу получают широкое распространение в обществе. В июле 1861 г. появился первый листок «Великорусса», в составлении которого принимали участие Чернышевский, Серно-Соловьевич и другие лица, стоявшие близко к редакции «Современника». «Великорусс» открыл собою первую главу из истории отечественной нелегальной литературы. Составители его полагали, что для водворения законного порядка необходимы три условия: хорошее разрешение крепостного вопроса, освобождение Польши и конституция. Для проведения в жизнь этих начинаний группа «Великорусса» предлагала сначала испробовать *мирные* средства и обратиться к Александру II с просьбой «созвать в одной из столиц представителей русской нации, чтобы они составили конституцию для России».

Но уже осенью того же 1861 г. появилась прокламация «К молодому поколению», приписанная поэту М. Ил. Михайлову, которая заявляла, что «государь обманул ожидания народа и дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и какая ему нужна»... Но ведь не народ существует для правительства, а правительство для народа... Следовательно, то правительство, которое не понимает народа, не знает его нужд и потребностей, которое, считая себя помещиком, действует исключительно в своекорыстных целях, которое, наконец, презирает народ, им управляемый,—недостойно этого народа... И если Романовы не оправдывают надежд народа—*долой их!*.. Нам нужен не царь, не император, не помазанник божий... мы хотим иметь главой простого смертного, человека земли, понимающего жизнь и народ, его избравший... Нам нужен

не император, помазанный маслом в Успенском соборе, а выбранный сторонника, получающий за свою службу жалованье». В этой прокламации мы видим, что революционная мысль перешла уже от *конституционных* настроений к *республиканским*, хотя установление республики и не ставится еще задачей ближайшего будущего.

В следующем 1862 г. появилась, однако, прокламация «Молодая Россия», призывавшая уже не только к немедленной политической, но и *социальной* революции. Прокламация исходит из основного положения, что «в современном общественном строе—все ложно, все нелепо, от религии... до семьи, от узаконения торговли, этого организованного воровства, до признания за разумное положения работника, постоянно истощаемого работою, от которой получает выгоды не он, а капиталист». В политическом же отношении, по мнению составителей прокламации, вся Россия разделяется на две противоположные и враждебные партии—партию народа и императорскую, между которыми идет борьба, почти всегда кончающаяся не в пользу народа. Выход из гнетущего, тяжелого положения, губящего современного человека, может быть только один—«революция, революция кровавая и неумолимая,—революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». Составители «Молодой России» надеются, что скоро наступит день, «когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика русская двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. С полною верою в себя, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой выпало на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: «в топоры!», и—тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!»

Прокламация «Молодая Россия» является самым крайним выражением той оппозиции, перед которой лицом к лицу очутилось русское правительство. Не удовлетворив своими реформами ни одну из общественных групп, начиная от крестьянства и кончая крупным дворянством, правительство вынуждено было вступить в борьбу с ними. Александр II пошел на эту борьбу тем легче, что, как мы указали выше, он вынужден был проводить реформы *наперекор своим взглядам*, исключительно с целью предохранить от развала государство и сохранить свою самодержавную власть.

Борьба началась. Ни один из дворянских адресов с требованием конституции Александром II не был принят; представители же дворянства и составители адресов подверглись тем или иным карам: одним был объявлен строжайший выговор, другие без суда, в административном порядке были высланы в северные губернии. Еще резче правительство расправилось с представителями революционной интеллигенции. Студенческое движение в различных университетах, являвшееся всегда верным барометром настроения общества, было подавлено. Многочисленные просветительные организации, воскресные школы и т. п. были закрыты. М. Ил. Михайлов за составление прокламации «К молодому поколению» был присужден к каторжным работам; Н. Г. Чернышевский, несмотря на отсутствие улик, только на основании внутреннего убеждения судей в его виновности, был навсегда вычеркнут из списка живых; наконец, не ограничиваясь арестами и ссылками, правительство наложило руку на печать, только что получившую возможность более или менее свободно говорить о действительных нуждах страны и общественных вопросах.

Желая несколько успокоить общественное мнение, встревоженное как революционными попытками, так и реакционными начинаниями, русское правительство считало необходимым истолковать смысл происходивших событий; конечно, эти об'яснения предназначались, главным образом, для западно-европейских держав, которые были связаны с Россией денежными интересами. «Морская ширь, писал министр иностранных дел кн. Горчаков, никогда не бывает спокойна. Так и у нас..... но равновесие повсюду восстанавливается. Главная задача поставить плотины там, где общественному спокойствию или интересу, а в особенности существу власти угрожает опасность. Об этом и заботятся у нас, не отступая от пути, который наш августейший государь предначертал себе со дня вступления на престол. *Наш девиз: ни слабости, ни реакции.* Его начинают понимать и в России».

В своих реакционных попытках, несмотря на отрицание существования реакции, правительство очень ловко использовало в своих целях жупт и недовольство части русского общества, вызванные как крайними революционными проявлениями—пожарами, призывами к кровавой расправе, так и, особенно, польским восстанием 1863 г. И само восстание, и угрозы иностранного вмешательства во внутренние дела России вызвали в обществе взрыв патриотизма, усиленно подогреваемого правительственною печатью, во главе которой стоял М. Н. Катков, издатель «Московских Ведомостей», бывший раньше либералом и поклонником

английской конституции. Между тем русские революционеры стали на сторону поляков, одобряя их восстание, а иногда и принимая в нем активное участие. Это обстоятельство углубило раскол между либеральной и революционной партиями. Даже самое революционное движение многие были склонны приписать проискам польской партии, стремившейся вызвать смуту в России и использовать ее в своих целях. Теперь правительство, искусно играя на патриотических чувствах, уже могло не бояться той сплоченности оппозиции, которая была, как мы видели, год-два тому назад. Революционная интеллигенция осталась одинокой и была вынуждена на свой страх и риск вести борьбу с правительством. Программа этой борьбы была начертана самой жизнью: необходимо сорганизоваться в сплоченные общества с выработанной политической и социальной программами, необходимо распространить свое влияние в массах, сблизиться с народом и попытаться совершить переустройство общества на новых социалистических началах, ниспровергнув существующее правительство. Мысль об уничтожении императорской партии и главы ее—Александра II—была уже высказана в ряде революционных прокламаций. Оставалось только привести ее в исполнение!

II.

Первое покушение на Александра II было произведено 4 апреля 1866 г. Пока покушения на его жизнь не сделались систематическими, Александр II имел обыкновение почти ежедневно запросто, без всякой охраны гулять в Летнем саду. Об этих прогулках знал весь город, и многие нарочно отправлялись в Летний сад, чтобы посмотреть на Александра II.

4 апреля, как показывали впоследствии очевидцы, среди публики, толпившейся около ворот сада и поджидавшей выхода Александра II, стоял высокий, угрюмый молодой человек, заложив руку за борт пальто. И в тот момент, когда Александр II, окончив прогулку, направлялся к коляске, неизвестный быстро выхватил пистолет и выстрелил в царя на очень недалеком расстоянии. Выстрел, однако, не достиг цели. По одним указаниям, стрелявшего ударил по руке стоявший рядом с ним мастеровой, костромской крестьянин Осип Комиссаров; по другим—он сделал это нечаянно; наконец, некоторые утверждают, что выстрел никем предупрежден не был, и стрелявший просто промахнулся. Так, по крайней мере, пишет в своем прошении некий Белов, один из принимавших участие в задержании стрелявшего, когда тот, воспользовавшись сумятицей, бросился бежать по набережной. Его, однако, тотчас задержали, обезоружили,

и тот же Белов с гордостью сообщает, как он держал преступника, схватив его обеими руками за волосы. Когда неизвестного задержали и, очевидно, попытались расправиться с ним, он сказал: «Дурачье! Ведь я для вас же, а вы не понимаете!..» Задержанного привели к Александру II, и на его вопрос — русский ли он? — неизвестный отвечал утвердительно и, немного помолчав, прибавил: «Ваше Величество, вы обидели крестьян!». По другим сведениям между ними произошел такой разговор:

— «Ты поляк?» — спросил Александр II.

— «Нет, чистый русский» — ответил задержанный.

— «Почему же ты стрелял в меня?»

— «Потому что ты обманул народ — обещал ему землю, да не дал».

По приказанию Александра II, стрелявший, оказавшийся, как выяснилось через некоторое время, саратовским дворянином, бывшим студентом Дмитрием Владимировичем Каракозовым, был отведен в знаменитое когда-то III отделение; оно находилось неподалеку от места происшествия — на Фонтанке, около Пантелеймоновского моста, и ведало тогда розыском по всем политическим делам. Там Каракозов был тщательно обыскан и допрошен в первый раз. При обыске у него были найдены — письмо без адреса к некоему «Николаю Андреевичу», рукописное воззвание «Друзьям — рабочим», порох, пули и яд в склянке и порошке. На следующий день Каракозов был передан в распоряжение особой следственной комиссии. Эта комиссия была учреждена еще в 1862 г., с очень широкими полномочиями, в связи с усилившимся в 1861—62 гг. ростом революционного движения. При ее основании комиссии предписано было заняться делами о распространении «преступных воззваний» и о попытках «злоумышленников» возбудить против правительства нижних чинов некоторых гвардейских полков. В то же время комиссия должна была исследовать все пути противоправительственной заграничной и внутренней пропаганды и принять самые строгие и решительные меры против вредных и опасных намерений и действий лиц, стремившихся поколебать в народе доверие и уважение к правительству; всем министрам и начальникам отдельных частей было повелено исполнять все требования комиссии. Наделенная столь широкими полномочиями, комиссия эта стала в 60-х гг. центральным органом правительства в его борьбе с развивавшимся революционным движением.

8 апреля 1866 г., в связи с расследованием Каракозовского дела, в составе комиссии произошла важная перемена — ее председателем был на-

значен знаменитый своею жестокостью гр. Михаил Николаевич Муравьев, Муравьев—вешатель, «людоед», как называли его современники, сказавший о себе, что он «не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые сами вешают». Личность Муравьева, бывшего в продолжение всей жизни одним из столпов реакции и назначенного в этот момент председателем особой следственной комиссии, слишком ярка, чтобы не сказать о ней несколько слов. Человек несомненно умный, властолюбивый, требовавший от всех беспрекословного повиновения, Муравьев был в то же время необычайно груб и жесток. Еще в начале царствования Николая I, в бытность могилевским губернатором, он настаивал на закрытии виленского университета, считая его рассадником польского мятежа. Заняв в 50-х годах пост министра государственных имуществ, он упорно противился освобождению крестьян и был одним из виднейших вожаков партии крепостников. Но особенно печальную славу заслужил Муравьев в 1863—1864 гг., когда был назначен генерал-губернатором Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями для подавления польского восстания. При нем отряды восставших поляков преследовались до полного истребления: по его приказанию местечки, где, по доносам, укрывались повстанцы, уничтожались до тла: селения сжигались, а жители, вместе с женами и детьми, целиком переселялись в сибирские губернии. За двухлетнее его управление Северо-Западным краем, только по официальным данным, казнено было 128 человек, сослано в каторжные работы 972, сослано на поселение в Сибирь 1.427, отдано в солдаты 345, сослано в арестантские роты 864, выслано во внутренние губернии 1.529, переселено на казенные земли внутри империи 4.096, итого 9.361 человек, а на самом деле гораздо больше. «Очень часто сажаю я поляков без малейшей вины»,—писал сам Муравьев про свою бесцеремонную расправу с поляками.—«даже подозрения нет; в таком случае я всегда решаю: пусть посидит под замком, да подолее, может-быть, что-нибудь и отыщется. И что же вы думаете? Я был так счастлив, что всегда что-нибудь за сидельцем-то моим и отыскивал. Ну, тогда и подай его сюда!» Понятно, что деятельность Муравьева вызывала единодушное отрицательное отношение у всех мало-мальски прогрессивно настроенных людей,—и самое имя его было как бы символом жестокости. Вот какого человека поставило правительство во главе следственной комиссии для раскрытия всех обстоятельств покушения, т. к. оно предполагало, что покушение на Александра II было делом огромного заговора; предполагал это и сам Муравьев, который даже поклялся «скорее лечь костьми, чем оставить не

открытым это зло—зло не одного человека, а многих, действовавших в совокупности».

На другой день после покушения, т. е. 5 апреля, в 8 ч. вечера, комиссия, по передаче в ее распоряжение Каракозова, *немедленно* приступила к его допросу. По указанию официальных источников, допрос этот продолжался *днем и ночью*, но Каракозов не открывал ни своего имени, ни своих сообщников. «Преступника допрашивали целый день, *не давая ему отдыха;* священник увещевал его несколько часов, но он попрежнему упорствует», писал 6 апреля Александру II начальник III отделения кн. Долгоруков. На другой день положение не изменилось. Александр II требовал немедленного раскрытия заговора, члены комиссии нервничали, между тем никаких новых сведений о Каракозове не было добыто. «Преступник до сих пор,—доводит до сведения Александра II тот же кн. Долгоруков 7 апреля,—не об'явил своего настоящего имени и *просил* меня *убедительно* дать ему отдых, чтобы завтра написать свои об'яснения. Хотя *он действительно изнеможен,* но надобно еще его *потомить,* дабы посмотреть, не решится ли он еще сегодня на откровенность». «Запирательство преступника вынуждает комиссию *к самым деятельным и энергичным мерам* для доведения преступника до сознания»—пишет во всеподданнейшем докладе 8 апреля председатель следственной комиссии.

Царские казематы хорошо умели сохранять от непосвященных свои тайны, и, по всей вероятности, нам никогда не придется узнать, *что* скрывается за этими бесстрастными словами официальных донесений и какие «*деятельные и энергичные меры*» были применены к Каракозову. Имел ли место здесь только беспрерывный допрос, или допрос сопровождался еще и пыткой? В обществе того времени ходили упорные слухи, что Каракозова при допросах пытали. Во всяком случае предложения применить к нему самые решительные меры были сделаны. Так, один отставной генерал, находя, что с Каракозовым обращаются слишком мягко, действуя на него только «моральными убеждениями», советует «сейчас же надеть на него одежду каторжника, перевести его в другое помещение, чтобы он не знал, где он находится, и передать его новым лицам, знающим, как следует с ним обращаться». Другой доброволец рекомендовал содержать преступника на одном хлебе и соленой пище—«тогда сама природа человека заставит его раскрыть всю истину». Нельзя не привести целиком письма третьего добровольца, вызвавшего пометку: «принять к сведению». «Опыт допрашивания посредством сонных бредов преступников, предложенный мною вашему превосходительству, я полагаю, очень важен

к злодею царя. Это не есть пытка, но нужно знать, чем вывести бред, в какое время, с чего начать спрос и продолжение, что впоследствии удивит бессознательного, и он должен будет подтвердить прочтенное, а к этому нужна не большая магнитизация, почему предлагаю мои услуги для исполнения. Отставной коллежский регистратор Михаил Маринин». Неизвестно, были ли применены все эти меры. Но если сопоставить подчеркнутые слова докладов с рассказом кн. Кропоткина, встретившего в Сибири одного из жандармов, приставленных к Каракозову, то вряд ли можно сомневаться, что, по крайней мере, лишению сна Каракозов был подвергнут.

— «Хитрый был человек,—говорил жандарм.—Когда он сидел в крепости, нам велено было не давать ему спать, мы по двое дежурили при нем, и сменялись каждые два часа. Вот сидит он на табурете, а мы его караулим. Станет он дремать, а мы встряхнем его за плечо и разбудим. Что станешь делать? Приказано так. Ну, смотрите, какой он хитрый. Сидит он, ногу за ногу перекинул и качает ее. Хочет показать нам, будто не спит; сам дремлет, а ногой все дрыгает. Но мы скоро заметили его хитрость, то же передали и тем, что пришли на смену. Ну и стали его трясти каждые пять минут—все равно, качает ли он ногой, или нет.

— «А долго это продолжалось?»—спросил мой приятель.

— «Долго—больше недели!»

При таких условиях Каракозову пришлось давать свои показания. Скрывая свою настоящую фамилию, Каракозов на первых допросах назвался Алексеем Петровым, двадцати четырех лет, родом из помещичьих крестьян, уроженцем одной из южных губерний. С той же целью он рассказывал, что лет пять тому назад, по окончании курса гимназии, он путешествовал много по России, большею частью пешком, и занимался в разных местах образованием рабочих, раз'яснял им различные явления природы, «чтобы уничтожить их предрассудки в отношении гражданского строя каждого государства, преимущественно же экономического порядка». Далее он показал, будто находится в Петербурге около года, не имеет определенного местопребывания и проживает по суткам в дешевых трактирах, питейных лавках, иногда даже под открытым небом, где укрываются бедняки, не имеющие ни крова, ни хлеба. Работал он, будто бы, поденно, в артелях при постройке мостов и мощении улиц. На том же допросе он сказал, что прокламация «Друзьям-рабочим» сочинена им самим и что он распространял ее в таких местах, где собираются рабочие. Этому воззванию, как и совершенному им покушению, Каракозов придавал очень большое значение.

Ему казалось, что покушение, раз'ясненное в воззвании, хорошо повлияет на рабочих, массу угнетенного люда и особенно на учащуюся молодежь—студентов, заставив их, наконец, перейти от словесных споров к делу, от попыток мирного разрешения вопроса к делу настоящей революции.

Воззвание «Друзьям-рабочим», собственно, обращено не к рабочему классу, как это можно думать по заглавию, а ко всему трудящемуся населению и, в частности,—к крестьянам. По своему содержанию оно распадается на две части. В первой—Каракозов выясняет причины тяжелого положения трудящегося народа—крестьян, фабричных и заводских рабочих и других ремесленников. «Почему, спрашивает он, так бедствует простой народ, которым держится вся Россия? Отчего не идут ему в прок его безустанный тяжелый труд, его пот и кровь? Почему рядом с ним в роскошных дворцах живут люди, ничего не делающие, тунеядцы-дворяне, чиновная орда и другие богатеи?» Как же это случилось? Чего же смотрели наши цари, «которые на то и поставлены от народа, чтобы зло уничтожать и заботиться о благе всего народа русского, народа рабочего, а не тунеядцев-богачей?» Но оказывается, что цари-то и есть главные виновники тяжелого положения трудящихся. Чтобы легче обирать народ, они завели чиновников—дворян, а чтобы крестьяне не могли сопротивляться, было устроено постоянное войско. Никогда царь не потянет на мужицкую руку, так как он самый сильный недруг простого народа, самый главный из помещиков. Правда, нынешний царь дал волю крестьянам. Но что это за воля? «Отрезался от помещичьих владений самый малый кус земли, да и за тот крестьянин должен выплатить большие деньги; а где взять и без того разоренному мужику денег, чтобы выкупить себе землю, которую он испокон века обрабатывал?» Не поверили крестьяне, что царь их так ловко обманул, стали бунтовать, не хотели принимать волю, а царь послал своих генералов с войсками для наказания ослушников, и стали генералы вешать крестьян да расстреливать»... «Присмирели мужички, приняли эту волю-неволю, и стало их житьишко хуже прежнего: за неплатеж откупных денег в казну, за недоимки у крестьянина отымают последнюю лошаденку, последнюю корову, продают скот с аукциона и трудовыми мужицкими деньгами набивают царские карманы». В таких сильных выражениях характеризует Каракозов тяжелое экономическое положение крестьянства. Но есть ли выход из него? Конечно, есть: надо уничтожить царя-помещика, царя-злодея. И Каракозов решается принять на себя этот подвиг, хорошо зная, что ему придется жизнью заплатить за свою попытку. Но это его

не скупает. «Удастся мне мой замысел, пишет он, я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу—русскому мужику. А не удастся, так все же я верую, что найдутся люди, которые пойдут по моему пути. Мне не удалось—им удастся»,—пророчески заканчивает Каракозов первую часть своего воззвания.

Зато какое светлое будущее ожидает русский народ, когда он справится с своим главным врагом; остальные враги — помещики, вельможи, чиновники и другие богатеи—струсят. Тогда-то и настанет настоящая воля. Широкими вдохновенными чертами набрасывает Каракозов условия будущей жизни при настоящей воле: земля будет принадлежать артелям и обществам самих рабочих, капиталы не будут проматываться царем да царскими сановниками, а будут принадлежать тем же артелям рабочих; на эти капиталы артели будут производить выгодные работы, а доходы будут делиться между всеми работниками поровну. Уничтожится бедность, изменится и вся жизнь трудового народа: будет у всех достаток, все будут равны, некому будет завидовать. Счастливо и честно заживет тогда русский рабочий народ, работая только для себя, не для ублаготворения царя и других тунеядцев, падких на мужицкие трудовые гроши.

Своею доступностью и простотою языка, силою своих выражений и убежденностью воззвание «Друзьям-рабочим» выделяется из ряда других прокламаций 1860-х годов. Видно, что писал ее человек, выросший в деревне, знавший язык и жизнь крестьян, их нужды и горести. Горячо и с верой в близкое светлое будущее написана вторая часть прокламации, отличающаяся, правда, в подробностях некоторою неясностью: каким образом с исчезновением царя перейдут земли и капиталы в руки трудящегося населения, куда денутся дворяне-помещики, как будут устроены народные артели, все это оставлено в прокламации без ответа. Чувствуется, что воззвание написано не политиком, холодно и здраво взвешивающим все обстоятельства, а человеком чувства, энтузиастом, жертвующим своею жизнью для блага любимого народа, идеалистом, наивно и трогательно верующим, что, с устранением только одного препятствия—царя, наступит светлое царство трудового народа.

Вернемся, однако, к ходу допроса. В продолжение нескольких дней от Каракозова, несмотря на все усилия и «чрезвычайные и энергические меры», ничего не могли добиться. Он упорно скрывал свое имя и упорно утверждал, что не имел никаких сообщников и действовал совершенно один. Только случайность помогла раскрыть его личность и выяснить лиц,

с которыми Каракозов находился в близких отношениях. 7 апреля содержатель Знаменской гостиницы, где за два дня до покушения останавливался Каракозов, сообщил полиции, что неизвестный, занимавший в гостинице номер, 3 апреля скрылся и более домой не возвращался. Когда в этой комнате был произведен обыск, то были найдены принадлежавшая Каракозову шкатулка и изорванный конверт, на котором, однако, удалось прочитать адрес Николая Андреевича Ишутина, проживавшего в Москве. Арестованный в Москве Ишутин, вместе со своими товарищами, жившими вместе с ним, И. Д. Ермоловым, Д. А. Юрасовым и М. И. Зыбаловым, был тотчас доставлен в Петербург и здесь признал в неизвестном, называвшем себя Алексеем Петровым, своего двоюродного брата Дмитрия Владимировича Каракозова.

После того, как личность Каракозова была, наконец, установлена, ему не было никакого смысла давать о себе неправдоподобные показания, и на дальнейших допросах Каракозов дал подробные сведения как о себе, так и о своих родственниках. Он показал, что родился в 1842 г., воспитывался в пензенской гимназии, после окончания которой в 1862 г. поступил в казанский университет, но в том же году был исключен за участие в студенческих беспорядках. После этого он жил в деревне у своих родных, а также занимал место письмоводителя при мировом судье Сердобского уезда. В 1864 г. он снова был зачислен студентом казанского университета и в том же году перевелся в число студентов юридического факультета в московский университет. Однако, говоря довольно подробно о себе самом, Каракозов продолжал упорно стоять на своем, что у него не было сообщников и что его знакомые не только не помогали ему, но даже никто из них не знал об его замысле.

Между тем показания Ишутина и других, которые не были так же стойки на допросах, как Каракозов, постепенно выяснили некоторых лиц, находившихся с ним в сношениях в Петербурге. Так, был выяснен писатель Ив. Ал-др. Худяков, занимавшийся собиранием народных сказок и песен, составитель ценных общедоступных книжек по русской истории. Во время пребывания своего в Петербурге Каракозов был у него, причем Худяков помогал ему деньгами; выяснилось с достоверностью, несмотря на отрицания Худякова, что он знал о подготовлявшемся покушении, хотя и говорил, что из этого ничего не выйдет. Из слов самого Каракозова выяснилось, что он лечился и часто бывал у доктора А. Л. Кобылина, участника некоторых петербургских кружков и обществ; тому тоже кое что было известно о намерениях Каракозова. Наконец, Ишутин в

Институт

своих письмах Каракозову, написанных в крепости с разрешения гр. Муравьева, умолял его откровенно и беспристрастно выяснить действительное положение дела. Все это заставляло членов следственной комиссии подозревать, что Каракозов не говорит всего, что знает, и добиваться от него откровенного и подробного признания.

Не довольствуясь выяснением непосредственных участников покушения, пользуясь малейшими указаниями, случайно брошенными именами, Муравьев стремился, как он выразился в докладе, «обнаружить зло в самом корне и принять меры для окончательного подавления противоправительственного направления и для уничтожения кружков, основанных с целью распространять учения, клонящиеся к разрушению общественного порядка». Он поставил своею задачею не только исследовать самое покушение 4 апреля, но и выяснить те условия, которые способствовали созданию многочисленных революционных и социалистических кружков. С этою целью были произведены многочисленные обыски и аресты у лиц «сомнительной благонадежности» или только навлекших на себя подозрение в неблагонадежности. А таковыми, по мнению Муравьева, являлись участники всевозможных кружков и обществ и, главным образом, лица, близкие к литературе.

Как бы ни были невинны задачи разнообразных разрешенных и полулегальных обществ, в роде издательской артели, общества для распространения полезных книг, школы для взрослых и т. п., Муравьев видел в них революционные организации и чуть ли не поголовно арестовывал их участников. Но особенно решительные меры были приняты им «к остановлению необузданного и зловредного направления журналистики». «Тот, кто не жил тогда в Петербурге, пишет один современный литератор, и не принадлежал к литературным кругам или, по крайней мере, не был к ним так или иначе прикосновенен, не может представить той паники, которая здесь происходила. Каждый день приносили известия: сегодня ночью взяли такого-то, на другое утро—опять взяли таких-то. Мало-по-малу чуть ли не половина известных мне писателей была взята. Затем стали ходить слухи о привозимых целыми вагонами арестованных в разных провинциях, в особенности в Москве. Стали ходить слухи, что арестованных до того много, что ими полна вся Петропавловская крепость, все тюрьмы, все тюремные отделения при частях». Так искоренял Муравьев зло в самом корне. Очевидно, он и здесь употреблял свой испытанный с поляками прием: «пусть посидит под замком, да подолее, может-быть, что-нибудь и отыщется». Но на этот раз Муравьев был менее

«счастлив». Огромное большинство его «сидельцев», несмотря на тщательнейшие допросы, должны были быть выпущены, так как обнаружилась их полнейшая непричастность к каким-либо революционным организациям, а тем более к покушению 4 апреля. Конечно, связь между идеями, проводимыми тогдашними журналами, особенно «Современником», и деятельностью социалистических кружков существовала, но она была неуловима, так как выражалась в общих идеях и направлении.

Зато все допросы Каракозова и его товарищей—Ишутина, Ермолова, Юрасова, Загибалова, Страндена—ясно указывали, что действительные нити покушения надо искать не среди петербургских литераторов, а в московских кружках учащейся молодежи высших учебных заведений. С этой целью 26 апреля в Москве, под председательством московского генерал-губернатора, была учреждена особая временная комиссия. Согласно мысли Муравьева, комиссии этой вменялось в обязанность: «обнаружить в Москве те кружки и тех лиц, которые существуют и распространяют социалистическое учение и имеют связь с злоумышленными пропагандистами, с тем, чтобы действия московской комиссии не ограничивались одною Москвою, но и распространялись на другие местности, где могут быть вредные социалисты и пропагандисты анархического начала».

Работы этой комиссии, а главным образом заявления некоторых участников московских кружков (И. Корево, Дм. Иванова), вызвавшихся открыть все известные им сведения о Каракозове и его сообщниках, помогают нам выяснить обстановку и организацию упомянутых кружков.

С другой стороны, сохранившиеся воспоминания о тех же кружках и участии в них Каракозова, дополняя официальные сведения, позволяют живо нарисовать ту атмосферу, в которой впервые зародилась мысль об убийстве Александра II, пятнадцать лет спустя осуществленная партией «Народной Воли».

III.

Безусловно, новым явлением русской жизни 60-х гг. следует считать студенческое движение. Пока спало русское общество в тяжелую николаевскую эпоху, не замечалось и движения в студенческой среде. Студенты ходили на лекции, слушали профессоров, сдавали экзамены, изредка устраивали скандалы, вызванные бестактностью какого-либо профессора; в лучшем случае—образовывали литературные и философские кружки.

Политикой студенты не занимались, и студенческие беспорядки не выходили из стен университета.

Со вступлением на престол Александра II в университеты был открыт более широкий доступ, что сразу же повлияло на изменение социального состава студенчества: место студента-дворянина занял студент-семинарист, студент-разночинец. Общественное возбуждение, так широко разлившееся по всей стране, тотчас отразилось и на настроении студенчества. С тех пор и до самого последнего времени университетская молодежь, как наиболее впечатлительная и чуткая, делается верным барометром, показателем общественных настроений. В студенчестве появляется интерес к общественным делам, а за ним—стремление так или иначе участвовать в них.

Студенческое движение вылилось в самые разнообразные формы. Университетские беспорядки с начала 60-х гг. значительно увеличиваются и захватывают все университеты: Петербурга, Москвы, Киева, Казани, Харькова; вызываются они не только внутренними университетскими делами (недоразумения с профессорами, изменение университетских правил и т. п.), но и чисто политическими *событиями:* припомним беспорядки в 1861 г. в казанском университете, вызванные расстрелом крестьян в селе Бездны. По какому бы поводу ни возникали университетские беспорядки, они почти всегда выносятся из стен университета на улицу, переходя в противоправительственные демонстрации.

В самом студенчестве замечается усиленный рост различных организаций, в основе которых, главным образом, лежало об'единение студентов-земляков, происходивших из одной местности их родины или какого-нибудь края. Такие землячества основывались обыкновенно как с целью оказания денежной помощи недостаточным студентам, так и для самообразования. В землячествах были свои библиотеки, свои средства, для заведывания которыми избирались библиотекари и кассиры, а для учета последних—депутаты.

Наконец, в разнообразных просветительных организациях студенчество занимало первое место: студенты преподавали в бесплатных воскресных школах, устраивали популярные чтения, библиотеки, писали и печатали книжки для народа и т. п. Просветительная деятельность их была направлена, главным образом, к распространению знаний в широких массах, особенно нуждавшихся в них благодаря новым условиям жизни 60-х гг.

Естественно, что дальнейшим шагом в этих начинаниях должно было явиться стремление к непосредственному сближению с народом, к работе

среди крестьян. Одни хотели распространять в народе школы и популярные книжки по всем отраслям знания; другие мечтали обратить свои земли в образцовые хозяйства, где вся округа могла бы научиться полезным изобретениям и где крестьяне могли бы получать и советы, и помощь; мечтали о деятельности среди крестьян в качестве волостных и сельских писарей, учителей, врачей и т. д. В сущности, в этих предположениях мы должны видеть зародыши того движения русской интеллигенции, которое осуществилось на практике в начале 70-х гг. и получило название—«хождение в народ». Только «хождение в народ» по существу было уже революционным, противо-правительственным движением, тогда как молодежь 60-х гг. или еще не выходила из области мечтаний, или предполагала еще возможность работы рука об руку с правительством. Только немногие понимали несбыточность этих мечтаний и готовились к активной революционной борьбе. Мысль о неизбежности и необходимости этой борьбы особенно укрепилась, когда революционно настроенная часть общества убедилась, что правительство не только не содействует проведению в жизнь намеченных реформ, но и всячески тормозит их осуществление. Главные надежды в этой борьбе возлагались на молодежь. «Надежду России составляет народная партия из молодого поколения всех сословий», писал М. Ил. Михайлов в своей прокламации «К молодому поколению». «Молодая Россия» должна находиться в первых рядах революционной партии во время борьбы с партией императорской за создание социальной и демократической республики. «Куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку? спрашивал Герцен в своем «Колоколе».—«Сказать вам, куда?. В народ! К народу!—вот ваше место, изгнанники науки; покажите всем, что из вас выйдут не подъячие, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русского!» И революционная молодежь с гордым чувством своего достоинства и сознания своего значения решительно выступала на эту борьбу, как бы желая оправдать возлагаемые на нее надежды. «Вот заключительное слово нашего юного лагеря», писал юноша-публицист Д. И. Писарев:—«что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар,—то годится; что разлетится вдребезги,—то хлам; во всяком случае—бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть!»

К числу таких революционных групп относится и молодой московский кружок учащихся в университете и в московской сельско-хозяйственной академии, образовавшийся в 1863—64 гг. Участники его сознавали недействительность всяких реформ и решили составить революционное

ядро для образования партии, могущей вступить в борьбу с царизмом и помочь народу отвоевать себе свободу. Теснейшая связь Каракозова с этим кружком заставляет подробно остановиться на нем и попытаться выяснить деятельность его участников и источники их идей. Только в таком случае станут понятны и получат настоящее освещение как самое покушение Каракозова, так и его взгляды, отразившиеся в прокламации «Друзьям-рабочим» и в различных его показаниях. Во главе этого кружка стояли товарищи по гимназии: Ишутин, Каракозов, Юрасов, Ермолов, Странден, Загибалов, Мотков—все земляки, почти одновременно окончившие пензенскую гимназию. Их обыкновенно называли товарищи «ипатовцами», от фамилии хозяина того дома, где они жили. Первоначально члены кружка не имели определенной программы и ближайшей своей задачей ставили пропаганду социалистических идей среди студенчества. С этой целью «ипатовцы» устраивали различные кружки и общества с широкими и вполне легальными задачами, в роде общества взаимного вспомоществования, общества переводчиков и переводчиц, издателей и издательниц и т. п. В них они принимали самое деятельное участие: старались привлечь возможно большее количество участников, предварительно, в тесном кругу, обсуждали те вопросы, с которыми выступали на общих собраниях, вырабатывали уставы, хлопотали об их утверждении, устраивали платные вечера для добывания средств. Но, конечно, на эти легальные общества они смотрели только как на преддверие к революционной организации. Этого они и не скрывали. Настоящая цель основания подобных обществ, пишет в своих показаниях один из привлеченных по каракозовскому делу, заключалась в том, что «ипатовцы» на собраниях хотели высмотреть молодых людей, годных для выполнения их революционных замыслов. Это им удавалось, и большинство новых членов, принятых в основной кружок, первоначально были участниками общества взаимного вспомоществования. Вступая в состав революционной организации, новые члены руководились разными побуждениями. Одних привлекала будущая роль политического деятеля, жизнь, полная интриг и опасностей; другие решались на этот шаг вполне сознательно, так как самостоятельное чтение и размышление подготовили их к революционной деятельности. Так, один участник пишет, что чтение исторических книг сделало его противником монархической власти и привело к мысли, что крестьяне освобождены не так, как следовало бы. Ему казалось, что все люди должны быть свободны, что не нужна никакая власть, никакое управление и что освобождение крестьян от рабства—слишком малая награда

за их труды и страдания. Освобожденные крестьяне остались такими же бедными, какими были и раньше, и только революция может восстановить свободу, равенство и независимость каждого человека. Вступали в организацию участники более ранних кружков, продолжавшие итти уже по намеченной для себя дороге; были и зеленые юнцы, настроение которых было общим для тогдашней молодежи—«с некоторым социалистическим оттенком и недовольством существующим порядком». Таким образом «ипатовцы», привлекая новых членов или занимаясь, как они говорили, «рыболовством», в течение 1864 и, особенно, 1865 гг. значительно увеличили состав основного кружка.

Вообще 1865 г. был очень важным годом в жизни кружка, получившего окончательное название—«Организация». В этом году значительно увеличилось количество участников, и выяснились его конечные цели и ближайшие задачи; по мере возможности члены кружка стали на практике осуществлять свои планы; в том же 1865 г. окончательно сформировалась мысль о необходимости цареубийства. В числе ближайших задач наметились: организация кружка на более правильных началах и переход к распространению социалистических идей из тесного круга учащейся молодежи в широких массах: среди крестьян и беднейших слоев городского населения. Выяснилась также и конечная цель «Организации». Членам ее представлялось необходимым уничтожить царскую власть, захватить верховное управление в свои руки, уничтожить крупных землевладельцев и капиталистов и произвести всеобщую революцию. После нее в России должно быть основано управление по системе Северо-Американских штатов, только на социалистических началах. Такова была грандиозная задача, казавшаяся, однако, молодым энтузиастам легко осуществимою в ближайшем будущем.

Первоначально участникам «Организации» казалось, что этот грандиозный переворот может пройти постепенно и мирно, исключительно путем производительных ассоциаций или товариществ, составленных на артельных началах. Конечно, идея о производительных ассоциациях не родилась в самом кружке, а была заимствована его участниками из экономической литературы того времени. Идея о производительных ассоциациях, или общественных мастерских, появившаяся впервые во Франции в 40-х гг., у нас, в России, с наибольшею яркостью и обстоятельностью была обработана Н. Г. Чернышевским как в отдельных статьях его («Труд и капитал»), так, особенно, в примечаниях к «Основаниям политической экономии» Дж. Ст. Милля и в знаменитом романе «Что делать?».

Основная мысль, развиваемая Чернышевским в его сочинениях, заключается в следующем. Самым выгодным положением дел для всякого производства является то, когда весь продукт труда принадлежит трудящемуся. Но при современных условиях почти каждое производство для своей успешности требует размеров, превышающих рабочие силы одного семейства. Капиталист не нуждается в союзе с другими, потому что располагает силами множества людей. Трудящийся же, располагая силами только своей семьи, должен вступать в *товарищество* с другими трудящимися. Только товарищества трудящихся создадут такое положение дел, при котором производство может достигнуть наибольшего успеха. Участники таких ассоциаций, имея прямую выгоду от усердия в работе, останутся верны общему свойству человеческой природы, по которому усердие к делу измеряется его выгодностью; поэтому работа в товариществах пойдет успешнее, чем на частных фабриках, где наемные рабочие не участвуют в прибыли от своего труда. Полученная прибыль не уйдет в чужие руки, а останется в товариществе; часть ее пойдет на содержание общественных учреждений (школы, больницы и т. п.), часть—на уплату долгов, в запасный капитал; большая же часть прибыли будет разделена между всеми участниками артели, пропорционально каждому, по числу его рабочих дней. Предполагалось, что в силу своей простоты, эти производительные товарищества, или ассоциации, получат всеобщее распространение, и современное общество, основанное на конкуренции и эксплоатации, уступит свое место новому строю, в основу которого будут положены солидарность и равноправие членов.

В своем увлечении артельными товариществами члены «Организации» являлись только последователями Чернышевского, к которому они вообще относились с особенным уважением. О степени этого уважения можно судить по отзыву о Чернышевском Ишутина: «было три великих человека на земле: Иисус Христос, апостол Павел и Чернышевский». Идейная связь кружка с Чернышевским была самая близкая: она была уже отмечена в приговоре по каракозовскому делу («роман «Что делать?» имел на многих подсудимых самое гибельное влияние, возбудив в них нелепые противоправительственные идеи»), а один из участников, П. Ф. Николаев, в своих позднейших воспоминаниях прямо указывает, что каракозовцы могут считаться непосредственными учениками и последователями Чернышевскаго. Не даром «ипатовцами» была организована группа, которая летом 1866 г. должна была освободить своего учителя из Сибири и помочь ему уехать за границу, чтобы там стать во

главе журнала, который они хотели распространять в России. Любопытно отметить, что в эту группу, кроме членов «Организации» Страндена и Моткова, вошли двое распропагандированных крестьян—Вьюшкин и Дарочкин

Участники «Организации» деятельно хлопотали об устройстве и развитии производительных ассоциаций: в самой Москве ими были организованы переплетное товарищество и два швейных заведения. На артельных же началах они хотели устроить две фабрики: одну—бумагопрядильную—под Москвою, другую—чугунно-литейную—в Жиздринском уезде (Калужской губ.), чтобы на практике показать участникам выгоды артельного производства. Артелями они хотели также воспользоваться в целях более успешной пропаганды своих идей; так, напр., Ишутин хотел сделаться извозчиком, приобрести сообща заведение постоялого двора, устроить ассоциацию и проводить свои революционные идеи между извозчиками.

В целях сближения с народом и распространения социалистических идей участники «Организации» придавали огромное значение народному образованию и устройству городских и сельских школ. По их мнению, главная причина невежества русского народа лежит в отсутствии образования. Обсуждая этот вопрос, они пришли к заключению, что все нравственно-развитые люди не могут не печалиться при виде бедствий своего народа и потому должны, насколько хватит у них сил и умения, заботиться об облегчении его участи, для чего нужно устраивать больше школ. В эти школы необходимо посылать развитых и любящих свое дело людей, чтобы они теснее соединились между собой и всецело посвятили свою жизнь на служение народу. Тесно соединившись, развитые люди найдут, во-первых, средства к увеличению школ, а во вторых, разместившись по губернским городам, будут способствовать развитию семинаристов, этих естественных учителей народа. Развитые семинаристы обыкновенно выходят из духовного звания, поступают в университет и навсегда теряют свои связи с народом, потому что развитому человеку жить в деревне, с ничтожными денежными средствами, без книг, без людей равного образования очень тяжело. Чтобы помочь им, участники «Организации» — члены провинциальных обществ — на средства, ими добытые, могут доставать сельским учителям книги, устраивать ежегодные с'езды и вообще поддерживать их в трудной, но необходимой для блага общества работе. План этот настолько увлек одного из членов «Организации»— Борисова, что он решил бросить университет и употребить все

свои силы и все свое время, чтобы сколько-нибудь содействовать его осуществлению.

Вообще же «ишатовцы» на школы еще более, чем на ассоциации, смотрели, как на важное средство пропаганды своих идей. Так, например, в основанной в Москве школе для мальчиков преподаватели ее (Ишутин, Ермолов, Загибалов, Страден), по словам Ишутина, старались сделать «из малышей революционеров». Подробностей о постановке учебного дела в этой школе не сохранилось, но одно показание о «методах преподавания» слишком ярко подтверждает слова Ишутина. Учитель арифметики (Юрасов) предлагает своим ученикам следующую задачу: написавши на доске 1 и 72,000,000, спрашивает: что больше—один или семьдесят два миллиона? Ученики отвечают, что, конечно, семьдесят два миллиона больше. «И единица перед миллионами ничтожество?» продолжает спрашивать учитель. Ученики подтверждают и это. «Так вот и у нас, заканчивает задачу учитель, *один* царь, а народу—семьдесят два миллиона». Другой учитель (Ермолов) рассказывает ученикам об орле и характеризует его так: «Орел—птица кровожадная, алчная, любящая нападать на беззащитных кроликов и ягнят, убивать их и пожирать. Поэтому плохо делают те правительства, которые ставят в своем гербе орла; это доказывает, что такие правительства так же кровожадны и алчны, как и орел!»

Но самым важным для дела социальной революции участники «Организации» считали пропаганду среди крестьян. Они собирались раз'ехаться по провинции и путешествовать по России с целью узнать расположение умов низших классов, собирать статистические сведения о количестве и качестве земли как крестьянской, так и помещичьей, устраивать земледельческие товарищества, исследовать существующие в данной местности ремесла, фабрики и все разнообразные формы эксплоатации народа. Но основная цель в сближении с народом состояла в восстановлении крестьян против помещиков и богачей и в распространении идей о необходимости безвозмездной отдачи всей земли трудящемуся населению. Все люди, рассуждали они, должны одинаково пользоваться дарами природы, а так как земля, подобно воздуху, есть также дар природы, то, следовательно, все люди без исключения должны пользоваться землею совершенно одинаково. Идею о передаче земли народу они думали распространять как устно—посредством учителей, волостных писарей и вообще лиц, соприкасающихся с народом, так и путем «подземной» литературы, т. е. прокламациями. С этою целью Ермоловым был приобретен типографский шрифт и

была сделана попытка устроить тайную типографию. В показаниях одного из участников сохранился даже проект подобной прокламации к крестьянам:

«Кто заселил и обработал землю?

«Народ!

«Кто отстаивал ее от врагов?

«Народ!

«Кто содержал целую тысячу лет правительство и войско?

«Народ! Следовательно, земля принадлежит народу!

«Владеет ли он ею?

«Нет!

«Кто отнял ее у него?

«Помещики!

«Кто им помогал в этом?

«Правительство!»

Идею о передаче земли народу они считали самою главною: она одна могла раскрыть глаза крестьянам на современное положение вещей, улучшить их экономическое положение, восстановить их против помещиков и возбудить народное восстание, за которым должна непременно последовать всеобщая социальная революция.

Как в приведенном проекте прокламации к крестьянам, так и в воззвании Каракозова «Друзьям-рабочим», да и вообще во всех планах Ишутина и его товарищей обращает особенное внимание, что ими совершенно не затронут вопрос о борьбе за политические права; никто из них не говорит ничего ни о формах правления, ни об осуществлении политических свобод. Точно все они живут не в условиях самодержавно-полицейского русского государства, а вне времени и пространства. Единственным подходом к вопросу о политической борьбе может показаться, с первого взгляда, идея о цареубийстве. Но и цареубийство совсем не является политическим актом, так как на царя Каракозов смотрит не как на представителя самодержавной власти, а как на *«самого главного из помещиков»*. Очень важно отметить, что главное отличие обеих прокламаций «ишутовцев» от более ранних прокламаций 60-х гг. и состоит в полном умолчании о политических требованиях и в обращении исключительного внимания на сторону социальную.

Как в вопросах об ассоциациях, передаче земли трудящимся, сближении с крестьянами, так и в отрицательном отношении к политическим требованиям каракозовцы являются учениками и последователями Чернышевского, разделяя вместе с ним идеи утопического социализма. Социа-

листы-утописты за немногими исключениями были совсем или почти совсем равнодушны к политике, и им в самом деле было «почти все равно», при каких политических условиях начнется введение нового общественного строя. С наибольшей яркостью проводит эту мысль Чернышевский в одной из своих статей («Борьба партий во Франции»), давая характеристику стремлениям либералов и демократов, под которыми он подразумевает социалистов. Демократы, пишет он, имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве. Каким путем изменить в этом смысле законы и поддержать новое устройство общества, для них почти все равно. Напротив того, либералы никак не согласятся предоставить перевес в обществе низшим сословиям, потому что эти сословия по своей необразованности и материальной скудости равнодушны к интересам, которые выше всего для либеральной партии, именно к праву свободной речи и конституционному устройству... «Народ не имеет материальной возможности пользоваться политической свободой. Почти во всех странах большинство его безграмотно. С какой же стати станет он дорожить правом свободной речи? Нужда и невежество осуждают его на полное непонимание государственных дел. С какой же стати будет он интересоваться парламентскими прениями?» Мало того, по мнению Чернышевского, «масса не только не дорожит, но и не может дорожить политическими правами, так как ее бедственное материальное положение совершенно лишает ее возможности обнаружить сколько-нибудь серьезную политическую самодеятельность».

Из этих положений своего учителя участники «Организации» сделали совершенно правильный логический вывод: счастье народа не в политических правах, а в установлении прочных поземельных отношений, основанных на равном разделе земли и равном вознаграждении за труд.

Выясняя источники политических взглядов каракозовцев, нельзя не отметить, что в стремлении сблизиться с народом и в пропаганде идеи о передаче земли народу и в отрицательном отношении к политическим требованиям участники «Организации» являются неразрывным связующим звеном идейных вдохновителей шестидесятых годов с теми народниками, которые в начале 70-х гг. пошли «в народ» и начали пропаганду социализма в более широких размерах, чем это представляли Ишутин и его товарищи. Пренебрежение политическими требованиями и сосредоточение внимания на экономической борьбе составляют характерную черту учения обоих вдохновителей «революционного народничества»

70-х гг.—Бакунина и Лаврова. Политические перевороты, говорили они, ничего не дадут трудящимся, так как они, вынеся на своих плечах всю борьбу, все-таки останутся в том же бесправном положении, благодаря экономическим условиям. Поэтому трудящиеся могут освободиться только собственными усилиями посредством социальной революции, которая у нас тем более легка, что в России нет и не может быть капитализма и, наоборот, основы социализма заложены в крестьянской среде самою жизнью.

Помимо выяснения и осуществления ближайших задач, перед Ишутиным и его товарищами, по мере роста кружка, вставал весьма важный вопрос о более правильной его организации. Выработкой такого устава занялись в том же 1865 г. два члена—Мотков и Шаганов, но оба их проекта, горячо обсуждавшиеся в собраниях, окончательно приняты не были и до нас целиком не дошли. Тем не менее из показаний участников можно составить о них довольно полное представление.

Во главе всей «Организации» должен стоять центральный комитет или центральная агентура из нескольких особо испытанных членов, находящихся в Москве. На обязанности комитета лежит заведение во всех важнейших пунктах России своих агентов, для чего члены «Организации» раз'езжаются по различным губернским городам, чтобы составить там кружки и передать их заведывание лучшему из членов. Другие члены комитета остаются в Москве, поддерживают правильные сношения с Петербургом, заграницей, польской партией, заводят сношения с другими обществами, набирают новых членов, следят за действиями губернских членов. Центром всей «Организации» должны быть или типография с библиотекой, или книжная лавка, заведывание которыми также лежит на членах комитета; они снабжают губернских членов книгами и деньгами.

Те члены, которые обязаны раз'ехаться по губерниям, как только найдут себе в одном из городов занятия, обеспечивающие их существование, должны знакомиться с семинаристами и вообще молодыми людьми и убеждать их делаться сельскими учителями, организовывать кружки, пропагандировать социалистические идеи, открывать различные товарищества, сноситься с сельскими членами и добывать средства, необходимые как для устной, так и для печатной пропаганды.

Сельские члены—учителя, волостные писаря и т. п. должны устраивать при школах ремесленные заведения, сообразные с потребностями местности, об'яснять крестьянам выгоды земледельческих и иных товари-

ществ, руководить ими, распространять идею о передаче земли народу, подготовлять крестьян к восстанию и т. п.

Каждый член «Организации» обязан вести пропаганду, стараться составить около себя кружок, который выбирает своего представителя. Ему одному известен общий представитель всех губернских кружков; последний руководит всею деятельностью губернских и сельских кружков, но, в свою очередь, находится в зависимости от центрального комитета. Организация кружков ведется в строжайшей тайне. Вновь принятые члены не должны даже знать о существовании других кружков, и, только убедившись в преданности «новобранцев», их представитель может намекать о том, что они не одни, и уже вполне надежных знакомить с другими участниками «Организации». Общество, конечно, имеет право распоряжаться своими членами как ему угодно, и все члены общества обязаны беспрекословно исполнять приказания своих руководителей. Лица, не повинующиеся, а тем более изменившие обществу, наказываются смертью. Наконец, члены обязаны поддерживать «Организацию» денежными средствами, при чем все средства, ведущие к цели, считаются «священными», будь то убийство, воровство, грабеж и подобные уголовные преступления.

Требование беспрекословного повиновения и, особенно, неразборчивость в средствах вызвали при обсуждении проектов протесты среди более умеренных членов «Организации» и даже повлекли за собою выход некоторых из кружка. Протестовавшие говорили, что такая неразборчивость в средствах приведет лишь к тому, что «Организацию» будут считать шайкой воров и разбойников и что, делая подлости для достижения какой-либо цели, человек, незаметно для себя, делается сам подлецом. Однако, в основной группе «Организации»—«ипатовцев» (Ишутин с товарищами) все эти предположения считались вполне приемлемыми, и даже некоторые члены готовились проводить их на практике; так, один из членов должен был поступить лакеем к богатому купцу с целью его ограбления; Загибалов хотел сделаться почтальоном и организовать нападение на почту, а В. Федосеев даже намеревался отравить своего отца, чтобы пожертвовать наследство на общее дело.

Эта неразборчивость в средствах и, особенно, принципы тайны и централизации, положенные в основу устава кружка, очень сближают его с позднейшими нечаевцами, тем более, что нечаевцы П. Г. Успенский и И. Г. Прыжов имели близкое отношение к каракозовцам, и даже был

поднят вопрос о привлечении их в «Организацию», о существовании которой было им хорошо известно.

Такою интенсивною жизнью жил кружок в 1865 г., организуясь, обсуждая вопросы, проводя их в жизнь, подготовляясь к дальнейшей деятельности. Наиболее сплоченным, основным ядром, как указано, была группа «ишатовцев» (Ишутин, Юрасов, Загибалов, Каракозов, Ермолов, Странден, Мотков, Николаев, Шаганов); среди них особенно выделялся своею деятельностью Николай Андреевич Ишутин. Несколько старше своих товарищей, он был несомненно душою кружка, организатором, руководителем всяких артелей, школ, обществ и других начинаний. Не даром его в «Организации» обыкновенно величали генералом. Странное впечатление остается от этого человека. Вечно в хлопотах—«сейчас только от дела», «сейчас бегу на свидание с одним человеком»,—окружавший себя всегда таинственностью заговорщика, всегда с таинственными намеками о своих громадных связях и планах—Ишутин рисуется неискренним человеком. Видно, что он любил прихвастнуть, а иногда и просто солгать, чтобы придать больше значения своим предложениям. То он прибежит ночью к товарищу с просьбой как можно скорее переписать письмо, составленное им же самим, от имени какого-то несуществующего руководящего общества; то, под страшным секретом, ночью же сообщит кому-нибудь, что на-днях достанет множество фальшивых ассигнаций, которые могут пригодиться для дела; то начнет хвастать, что во всякое время сможет, с помощью поляков, раскрыть все московские остроги. Он сознательно распускал самые нелепые слухи, которым, однако, верили: что Сибирь хочет отделиться от России и Северо-Американские Штаты обещали взять ее под свое покровительство, если только сибиряки вырежут гарнизоны по Уралу; что Герцен разослал своих эмиссаров между татарами в Казани и есть надежда, что там вспыхнет возмущение. Кинжал, веревка, яд, смерть за непослушание и измену—вот средства, рекомендованные Ишутиным. «Кто не за нас, тот против нас!»—постоянно говорил он в подобных случаях. От него исходили предложения об убийстве, отравлении, ограблении, в целях добывания средств, и на все замечания относительно крайней неразборчивости у него был один ответ—«цель оправдывает средства». Ишутин как-то не подходит под общее представление о русских революционерах, и если с кем его можно сопоставить, то только с Нечаевым, одинаково окружавшим себя таинственностью и также бывшим неразборчивым в средствах. Надо, однако, отдать Ишутину справедливость, что он отлично умел влиять

на людей то лестью, то намеками о важном деле, которое он может поручить, то, наконец, полускрытой угрозой. В своем тесном кружке он пользовался громадным влиянием, и участники «Организации» говорили, что Ишутин всегда может подбить «своего Митю» (Дм. Вл. Каракозова) на какое-нибудь безумно-рискованное предприятие.

Занятый делами «Организации», Ишутин как будто чувствовал себя неудовлетворенным этою деятельностью. Работа в школе, в артелях, чтение и разговоры—все это было для него слишком тихим и невидным делом. Ему хотелось привести в исполнение какой-нибудь грандиозный план, о котором говорили бы все. Неоднократно он высказывал, что хорошо «каким-нибудь страшным фактом заявить миру о существовании тайного общества в России, чтобы ободрить и расшевелить заснувший народ—например, взорвать Петропавловскую крепость или еще что-нибудь в этом роде». Таким «страшным фактом» было очевидно и приведение в исполнение замысла о цареубийстве, несомненно, зародившагося в голове Ишутина.

Не раз обсуждавшийся в тесном кружке «ипатовцев» вопрос этот был в конце 1865 или в начале 1866 гг. поставлен Ишутиным на общем собрании «Организации». Со слов одного из петербургских участников «Организации», автора популярных исторических книжек, И. А. Худякова, Ишутин стал рассказывать о существовании в Женеве Европейского Комитета (речь шла, вероятно, о только что образовавшемся Интернационале), который имеет целью улучшение экономического и социального быта народа посредством изменения существующего строя правления. Комитет этот для достижения своей цели прибегает к весьма разнообразным средствам, не отвергая даже, в случае надобности, и убийства правящих лиц. «Вот и нам бы, говорил Ишутин, следовало бы предпринять что-нибудь более решительное, более полезное, не ограничиваться одними разговорами, а примкнуть к Европейскому Комитету, совершить что-нибудь, что расшевелит молчащую толпу, привлечет к нам многих, произведет влияние на народ, т.-е.—цареубийство.»

Официальные источники о каракозовском деле сообщают, что идея о цареубийстве, высказанная Ишутиным, вызвала всеобщий ужас, и все участники, за исключением одного Каракозова, чуть ли не единогласно протестовали против приведения в исполнение этого намерения. Но все, что мы знаем из показаний различных участников дела, вовсе не подтверждает сведений официальной статьи. Не говоря уже об «ипатовцах», об идее цареубийства хорошо знали и многие участники «Органи-

зации», а один из них даже приводит песню, которую они с увлечением распевали, правда, находясь в нетрезвом виде:

«Уж как шел кузнец да из кузницы!
Слава! Слава!
«Да и нес кузнец три булатных ножа!
Слава! Слава!
«Уж как первый нож—на бояр-вельмож!
Слава! Слава!
«А второй-то нож—на попов-святош!
Слава! Слава!
«И молитву творя, *третий нож на царя!*
Слава! Слава!

Песня эта, кстати сказать, передана была тем же Ишутиным.

Нельзя не припомнить рассказ одного из участников каракозовского дела Дм. Иванова о разговоре, который был у него с Ишутиным и Загибаловым, еще до вступления в «Организацию». Разговор шел о том, чем лучше быть: «охотником» или «рыболовом». Загибалов доказывал, что «охотником» быть куда лучше и что стрелять в «дрофу» гораздо приятнее, чем в другую птицу. Иванов спорил с ним и доказывал, что «дрофу» убить не трудно, а мелкую птицу, напр., бекаса, гораздо труднее—нужна и ловкость и меткость. «Да что пользы-то от бекаса?» перебил его Ишутин—у него и мозгу-то мало! А то-ли дело «дрофа»—птица большая, самая крупная—есть чего и бить!» При этом он переглянулся с Загибаловым, и оба они засмеялись. Иванов не мог понять этих слов, и только впоследствии догадался, что «охотниками» у ипатовцев назывались те, которые решились на покушение на Александра II, «рыболовами»—лица, занимавшиеся набором новых членов, а под «дрофою» подразумевали самого Александра II.

Приводимые факты только указывают, что замысел о цареубийстве обдумывался «ипатовцами» давно, гораздо раньше конца 1865 г. Однако, несмотря на то, что для большинства участников «Организации» самая идея цареубийства не представляла новизны, предложение Ишутина привести ее в исполнение в ближайшее время действительно вызвало у его товарищей возражения. Многие из них еще были убеждены в возможности мирного и постепенного изменения русской жизни посредством образования и распространения производительных ассоциаций, а потому считали такую крайнюю меру излишней и даже вредной. Многие полагали, что намеченный мирный путь долог и что сделано еще слишком мало; смерть же Александра II должна послужить началом всеобщего восстания и социальной революции; между тем некому будет даже воспользоваться есте-

ственным замешательством и смятением. Наконец, участники «Организации» понимали, что приведение в исполнение предложения Ишутина дело не шуточное и, прежде чем согласиться на него, необходимо тщательно обдумать и обсудить все обстоятельства. Как бы то ни было, но предложение Ишутина не встретило сочувствия, а возражения показали, что для приведения в исполнение цареубийства можно рассчитывать на более тесную и сплоченную группу; такая группа и была образована Ишутиным в начале 1866 г. и получила название «Ад». Участниками ее, называвшими себя «мортусами», т. е. смертниками, обреченными на смерть, были, главным образом, те же «ипатовцы»— Ишутин, Каракозов, Ермолов, Юрасов, Загибалов, Мотков, Странден. Кружок, получивший название «Ада», должен иметь над «Организацией» тайный надзор; на членах его лежала, например, обязанность убивать лиц, изменивших обществу. «Ад» должен существовать и в то время, когда осуществится социальная реформа: он должен тайно следить за правительством, направлять его деятельность и карать его членов, если они не будут исполнять приказаний. Было условлено, что как только наберется тридцать человек, «Ад» начнет подготовлять цареубийство; члены его бросают жребий, и тот, на кого падет жребий, берет на себя исполнение цареубийства, перед тем он должен принять яду и иметь в кармане записку—«мы требуем крестьянам полного надела земли». Если следующий царь ничего не сделает, то члены «Ада» кидают снова жребий, и тот, кому достанется, опять стреляет в царя, что продолжается до тех пор, пока не образуется правительство, которое осуществит социальные реформы. Тот, на кого падет жребий, обязан был, по словам официальной записки, отделиться от общества, совершенно уединиться, предаться разврату и всевозможным порокам, чтобы отклонить от себя всякое подозрение в каких-либо политических замыслах, и с этою целью даже делать на других доносы.

Неизвестно, был ли брошен жребий, но только исполнить покушение или «променять свою жизнь на жизнь кого-либо из больших» взялся двоюродный брат Ишутина Дмитрий Владимирович Каракозов, более чем кто-либо из «Организации» находившийся под его влиянием. Есть основание предполагать, что Ишутин и смотрел на Каракозова как на орудие для приведения в исполнение своего замысла.

IV.

Покушение на Александра II и сопутствовавшие обстоятельства выдвинули Д. В. Каракозова на первый план, несмотря на то, что он

совершенно не выделялся среди своих сотоварищей, оставаясь все время в тени. В этом отношении Каракозов является полною противоположностью естественному руководителю «Организации»—Н. А. Ишутину. Нет ни одного показания, в котором так или иначе не говорилось бы об Ишутине; зато о Каракозове мало могут сказать даже лица, близко знавшие его. И вовсе не потому, что они стараются скрыть свою близость с Каракозовым; напротив,—они не могут ничего сказать о нем, т. к. он является какою-то странною и загадочною для них личностью. «В собрании Каракозов, *по обыкновению,* просидел молча», «в обсуждении плана Каракозов не принимал участия»—вот обычные замечания о его роли и участии в «Организации». Постоянно сосредоточенный, угрюмый, молчаливый, замкнутый в себе, ни с кем ни разу не говоривший «по душам», Каракозов резко отличался и от неугомонного Ишутина, вечно носившегося с разнообразными планами, и от горячих говорунов—спорщиков, своих сотоварищей. Вошел Каракозов в «Организацию», очевидно, тотчас после своего переезда в Москву—в 1864 г., куда он приехал по вызову Ишутина; тогда же он примкнул к «ипатовцам», так как жил вместе с ними на одной квартире. Но многие, зная об этом, все-таки не причисляли Каракозова к «ипатовцам», так как казалось, что он находится совсем в стороне от них; а один из участников «Организации» был даже страшно удивлен, увидя Каракозова на собрании.

Войдя в «Организацию», Каракозов охотно посещал собрания, по целым вечерам молча и спокойно вслушиваясь в горячие рассуждения и споры. Вместе с другими, он разделял сначала мысль о возможности постепенного социального переустройства государства посредством школ, артелей и т. п. Но впоследствии, может-быть даже под влиянием своей тяжелой болезни, он стал сомневаться в спасительности этого пути. Однажды на сходке он высказал, что путь этот долог, что привести народ к желаемому благоденствию может только народная революция. Царская власть, по его словам, есть тот принцип, при наличности которого нечего и думать о коренных социальных реформах, и пока трон царский будет уверен в своей безопасности, все усилия и жертвы революции будут напрасны.

Характерно, что из участников «Организации» именно Каракозов решил привести в исполнение замысел о цареубийстве. Именно про Каракозова говорили хорошо его знавшие, что он был одним из тех редких людей, у которых дело заменяет слово и что он никогда не ввязывался в мелкие дела; но где было больше опасности, больше риска, Каракозов

всегда являлся первым. Словоохотливостью он не отличался и в более раннее время. Бывши учеником пензенской гимназии, он никогда не высовывался и не участвовал в стычках с надзирателями и учителями; зато когда вышла крупная история с директором, он был одним из ее руководителей. Действовал Каракозов зачастую не столько по строго обдуманному намерению, сколько под влиянием мгновенного порыва. Однажды в Москве он шел вечером по улице и натолкнулся на будочника, с ожесточением колотившего извозчика. Без всяких предварительных увещаний Каракозов схватил будочника за шиворот, поднял на воздух. потряс несколько раз и бросил в сторону со словами: «всех бы вас перевешать!» Через несколько минут после подобных порывов он опять, согнувшись, шел, сидел или лежал неподвижно, думая про себя какую-то думу. Каракозов не был тщеславным человеком: он действовал под влиянием своей то неподвижной, то бурной натуры; он мало заботился о том, что о нем скажут, и делал только то, что по своим соображениям считал полезным. Благодаря своей манере держаться, Каракозов на многих производил впечатление ненормального. полу-сумасшедшего человека; «наш Митя всегда что-нибудь выкинет»—вот отзыв о нем одного из товарищей; «зачем вы прислали ко мне сумасшедшего, с этим дурнем как раз влопаешься»—сказал про него И. А. Худяков.

Однако, под этою странною внешностью скрывался человек, глубоко убежденный в правильности своих взглядов, человек необыкновенно стойкий и, может-быть, более кто-либо из членов «Организации» продумывавший свои мысли. Мы видели уже, как стойко он держался на допросах и говорил что-либо только в том случае, когда видел бесполезность запирательства. Припомним, с каким упорством твердил он, несмотря на непрерывные допросы. продолжавшиеся днем и ночью, что покушение было его единоличным делом и что из его знакомых никто даже и не знал о его намерении. В своих показаниях он дал меньше чем кто-либо для открытия обстоятельств дела, хотя Ишутин, вырабатывавший раньше суровые меры против измены и непослушания, и умолял его в письмах открыть всю правду, чтобы не пострадали невинные, к которым, очевидно, причислял он и себя. Только после приговора, в письме к Александру II, Каракозов высказал то, о чем он не говорил никому раньше. Перед лицом смерти он впервые сбросил свою сдержанность и замкнутость. Точно боясь, что у него не хватит времени, Каракозов, волнуясь и спеша, открывал свою душу тому человеку, о покушении на которого он так много думал... Может-быть им руководила мысль. что вот он выскажет все, что наболело,

что передумано и выстрадано, во имя чего он отдал свою жизнь, и, может-быть, Александр II прислушается к голосу человека, заканчивающего все счеты с земным, к голосу человека, которым ничто не руководит, кроме желания принести пользу дорогому народу. И эти последние строки, чистые и искренние, как будто смывают ту муть, которая нависла над «Организацией» благодаря тактике Ишутина. Яд, кинжал, убийство, грабежи—все это внешность, которая тешила юных заговорщиков, а за этою внешностью было то живое чувство, которое руководило и каракозовцами, и тысячами пришедших позже революционеров, отдававших свою жизнь во имя лучшего будущего, погибавших на виселицах, гнивших в тюремных казематах, умиравших на каторжных работах. В последних своих строках Каракозов рисуется во весь рост, и в них мы видим, сколько любви, наивной веры и самоотвержения скрывалось в этом странном, угрюмом, сосредоточенном человеке, ни разу не открывшем того, что совершалось в его душе...

Он сознает, что преступление его велико, но говорит, что оно понятно, так как вышло из его убеждений о несовершенстве настоящего порядка вещей и из его стремлений к тому, «чтобы сделать счастливыми огромное большинство людей, жизнь которых проходит в постоянных тяжелых трудах, почти без всякого вознаграждения за эти тяжелые труды, в постоянном невежестве, болезнях и всевозможных лишениях, страданиях физических и моральных, преступлениях, грабежах, воровстве». Каракозов соглашается, что реформы, которыми Александр II хотел улучшить положение народа, доказывают его доброту, но они бесполезны; ни один монарх не имеет ни сил, ни возможности «устранить то бедственное положение рабочего класса, которое было, есть и будет до тех пор, пока не падет совершенно ныне существующий экономический порядок и установятся прочные поземельные отношения, основанные на равном разделе земель и равномерном вознаграждении за труд».

Каракозов сознает, что его жизнь кончена, но это мало смущает его. Ничем непоколебимая вера поддерживает его и подсказывает, что покушение 4 апреля только начало и что «скоро придет время, когда никакие в мире законы, ни государи не будут в состоянии удержать порывы народного гнева и злобы, вследствие накопившихся в душе народа бед и горя, вследствие сознания несправедливости такого порядка вещей, при котором у рабочего человека отнимается заработанный им лишний кусок хлеба, который идет в пользу лиц, не принимавших никакого участия в труде для увеличения народного богатства и благосостояния. Где бы ни

вспыхнуло рабочее движение—в Англии, Франции или Германии или, наконец, у нас в России,—пророчески заявляет Каракозов,—оно, как пламя, охватит всю Европу пожаром». Поступок его, конечно, вызовет подражание, и он уверен, что «время от времени будут являться личности, которые будут жертвовать своею жизнью для того, чтобы показать народу, что его дело правое». «Относительно же себя я могу сказать, *что если бы у меня было сто жизней, а не одна, и если бы народ потребовал, чтобы я все сто жизней принес в жертву народному благу, клянусь, государь, всем, что только есть святого, что я ни минуты не поколебался бы принести такую жертву*».

Вернемся, однако, к прерванному рассказу. Как мы видели, Каракозов согласился произвести покушение на Александра II немедленно, но среди других участников кружка предложение Ишутина вызвало возражения. Главным доводом против немедленного покушения являлось убеждение, что после смерти Александра II никто не сможет воспользоваться естественным смятением и что необходимо раньше привлечь побольше людей на свою сторону; указывалось также, что Александр II, благодаря освобождению крестьян, еще пользуется в широких массах уважением и любовью. Довод, что смертью Александра II некому будет воспользоваться, подействовал на Ишутина, и он убедил Каракозова временно отказаться от намеченной задачи.

В конце января 1866 г. Каракозов неожиданно для всех исчез из Москвы, оставив записку, в которой, между прочим, говорилось: «я настолько болен, что забудьте обо мне, работайте одни, меня предоставьте своей судьбе». У товарищей сложилось впечатление, что Каракозов, под влиянием своей болезни, покончил жизнь самоубийством, тем более, что раньше просил раздобыть для него какого-нибудь сильно действующего яда. Один из участников «Организации» припомнил, как по поводу исчезновения Каракозова Ишутин и Загибалов говорили при нем: «Странно... Зачем было ему лишать себя жизни? Ведь «*выход* был». Под выходом они, конечно, подразумевали цареубийство, которое для Каракозова все равно окончилось бы смертью. Однако, через несколько дней Каракозов так же неожиданно вернулся, не дав товарищам удовлетворительного об'яснения своего внезапного исчезновения и сказав, что пробыл эти дни в Троицкой лавре.

В это-то время, по всей вероятности, Каракозов с Ишутиным, втайне от всех товарищей, решили все-таки привести в исполнение свой замысел. Кто-то из товарищей припомнил, как Каракозов говорил ему в это

время, «что положение России бедственно, что ей ни в каком случае не могут помочь никакие филантропические предположения, что необходим какой-нибудь резкий, решительный факт и что своим покушением он может принести пользу народу».

В конце февраля или начале марта 1866 г. Каракозов вторично исчез из Москвы, тайно от товарищей, но с ведома Ишутина, который знал не только, что Каракозов уехал в Петербург, но и где именно он проживал и даже под каким именем. Это видно из записки Ишутина на имя Димитрия Владимирова (под этим именем Каракозов жил в Петербурге), в которой он просил своего двоюродного брата приехать в Москву для каких-то переговоров. Когда же забеспокоившиеся товарищи, всегда предполагавшие, что «наш Митя какую-нибудь штуку удерет», спрашивали Ишутина, куда девался Каракозов, он давал уклончивые ответы, но был совершенно спокоен. Совершенно случайно участники «Организации» узнали от приехавшего в Москву И. А. Худякова, что Каракозов находится в Петербурге и что он готовится к покушению на Александра II. Обеспокоенные товарищи решили немедленно послать кого-либо в Петербург, чтобы отговорить Каракозова от покушения, так как они были убеждены, что оно преждевременно и что результатом его будет только гибель всех участников. Предложил было с'ездить за Каракозовым сам Ишутин, но, очевидно, товарищи в этом случае мало доверяли ему, и в Петербург поехали Ермолов и Странден. Было решено, что они заставят Каракозова немедленно вернуться в Москву и по его возвращении поставят в своем кружке обязательство, чтобы никто не смел самовольно что-либо предпринять без ведома всех членов.

В Петербурге Ермолов и Странден долго не могли разыскать Каракозова и только совершенно случайно встретили его на улице. Когда его спросили, зачем он уехал тайно и что он тут делает, Каракозов сказал, что приехал с целью поступить на завод и заняться пропагандою среди рабочих. Но после настойчивых расспросов он сознался, что действительно приехал с намерением совершить цареубийство. Ермолов и Странден стали всячески его отговаривать и добились того, что Каракозов дал им честное слово, что ничего не предпримет и сам скоро вернется в Москву. Успокоенные его обещанием и уверенные, что он его сдержит, Ермолов и Странден вернулись в Москву; вслед за ними действительно приехал и Каракозов. Но, пробывши в Москве несколько дней, он вдруг, в 20-х числах марта, опять исчез, не говоря никому ни слова, а 4 апреля привел в исполнение покушение на Александра II.

Что же заставило Каракозова, несмотря на обещания и оттоворы, все-таки решиться на цареубийство? Некоторые об'яснения можно найти в его показаниях. В них он рассказывал, что в Петербурге познакомился с доктором Кобылиным, у которого лечился, и из разговоров с ним узнал «о существовании в Петербурге партии «конституционистов», цель которой состояла в том, чтобы, воспользовавшись естественною или насильственною смертью государя, произвести политический переворот и возвести на престол вел. кн. Константина Николаевича». Кобылин, по словам Каракозова, характеризовал его, как человека вполне современного, и говорил, что если он и не установит правильных экономических отношений, основанных на социальных началах, чего добивались участники «Организации», то, во всяком случае, значительно улучшит народное благосостояние и даст крестьянам больше земли, чем они теперь имеют; наконец, он позаботится о народном образовании и тем облегчит переход к более рациональному экономическому перевороту.

Никаких подробностей об этой партии Кобылин Каракозову не сообщил; он сказал только, что партии помогут некоторые полки, которые преданы великому князю, что во главе ее стоят лица, приближенные к государю, и что партия разбита на отдельные кружки, которые сносятся между собою посредством избранных представителей. Но и того, что узнал Каракозов, было достаточно. Главный довод против покушения— неимение людей и партии, которая воспользуется создавшимся положением, отпадал. «Я понял», писал Каракозов, «что великий князь стоит во главе народной партии, желающей доставить народу материальное благосостояние и свободу самоуправления на более широких началах, чем те, на которых построены конституции других европейских наций». Все эти сведения, сообщенные Каракозовым Ишутину, укрепили обоих в необходимости немедленно осуществить цареубийство. Ишутин знал обо всех этих подробностях, что видно из его писем из крепости к Каракозову, в которых он просил его высказать откровенно перед следственной комиссией свои отношения «к известной партии» и уверял его, что те люди, которые подбили его на преступление, только его эксплоатировали, что у них и в виду не было блага родины; «это—простые честолюбцы, и потому нечего скрывать, говори о них всю истину».

Из того, что говорил Каракозов о своих сношениях с партией «конституционистов», еще не следует, что таковая партия действительно делала ему предложение об убийстве Александра II. Сам Кобылин и в следственной комиссии и на суде решительно опровергал показания Каракозова о

том, что знал какие-либо подробности о его замысле. По словам Кобылина, он несколько раз давал Каракозову деньги и позволил переночевать у себя исключительно из чувства сострадания и что Каракозов отплатил ему черною неблагодарностью. Однако, Каракозов в своих показаниях сообщает такие подробности, которые сам выдумать не мог, не зная отношений между различными петербургскими кружками, и несомненно, что Кобылин знал о готовящемся покушении и даже за несколько дней передал Каракозову яд, взятый у него при обыске.

Можно также с уверенностью сказать, что ни сам Константин Николаевич, ни лица, стоявшие к нему близко (между прочим, тогдашний министр народного просвещения А. В. Головнин), не имели к покушению никакого отношения, хотя, по словам одного современника, в обществе ходили упорные слухи, что виною всему был вел. кн. Константин; «помилуйте, говорили одни, да его самого видели у ворот Летнего сада тотчас же после выстрела». Другие: «Да он нарочно затянул в этот день заседание государственнаго совета» и т. п. Правда, Константина Николаевича с самого начала царствования его брата называли душою новаго либерального направления, говорили, что он умен и решителен, и все хорошее, что совершилось, относили к его влиянию. Деятельное участие в крестьянской реформе, реформы морского ведомства, широкая гласность, к которой он прибегал, его записка о введении в России конституционного правления привлекли к нему симпатии и создали огромную популярность, кстати сказать, сильно беспокоившую правительство. Весьма возможно, что либералы того времени, мечтавшие о завершении всего здания реформ, т.-е. о конституции, могли смотреть на него как на естественного кандидата на престол в случае смерти Александра II. Но все, что мы знаем о самом Константине Николаевиче, о лицах, близких к нему, и, главным образом, о его умереннейшем проекте конституции, не позволяет и предположить, что покушение Каракозова произошло с их ведома. Можно даже сомневаться в том, что «его партия» в том виде, как характеризовал ее Кобылин, действительно существовала на самом деле. Наоборот, естественным является вопрос: не передавал ли Кобылин только слухов и толков, ходивших тогда в либеральной части общества, и не был ли Каракозов введен этими рассказами в заблуждение?

V.

Выше было уже сказано о ходе допросов Каракозова и его сотоварищей в следственной комиссии под председательством гр. Муравьева. Как

только комиссии удалось установить личность Каракозова и его связи с Москвою, так тотчас были заарестованы главные участники «Организации», а с их арестом, собственно говоря, все было закончено. Отчасти благодаря их показаниям, а главным образом благодаря «самым подробным и искренним признаниям с указанием сообщников как в Москве, так и в других местностях»—Иг. Корево, Ос. Моткова, Дм. Иванова была выяснена до конца «Организация», ее разветвления, участники, деятельность, планы на будущее и т. п. Многие из допрашиваемых проговаривались на предварительном следствии и указывали на такие обстоятельства и факты и на таких участников собраний, которые без них не были бы узнаны правительственною властью. Большую роль при даче показаний играл тот страх, который нагонял гр. Муравьев, а также и способ допросов некоторых не в меру ретивых следователей. Один из участников, например, показывал впоследствии на суде, что не помнит того, что говорил, так как допрос происходил до 3-х часов ночи, когда сон смыкал глаза. Другой подсудимый наговорил на себя всяких ужасов только потому, что допрашивавшая его московская комиссия угрожала ему, если он не сознается во всем, отправить его к гр. Муравьеву, а о Муравьеве он имел такое понятие, что тот непременно велит пытать его. Вследствие этого, наговорив на себя всевозможных преступлений, он хотел лишить себя жизни и начал было уже резать руку разбитым стеклом, но не успел в этом.

О ходе своей работы комиссия еженедельно представляла краткие доклады Александру II, который очень интересовался следствием и на одном из докладов положил следующую резолюцию: «я желаю, чтобы мне представлялись еженедельно сведения более обстоятельные, с показанием лиц, вновь арестованных, дабы я мог следить за ходом дела». Это желание Александра II, собственно говоря, запоздало, так как к маю—июню 1866 г. с очевидностью выяснилось, что никакого заговора нет и что, кроме членов «Организации», каких-либо лиц, прикосновенных к Каракозову, не существует. Сознавал это и сам Муравьев, но тем не менее не считал свою задачу законченной и продолжал искать особых тайных влиятельных руководителей и деятелей: «хотя ближайшие деятели злоумышления, писал он в докладе Александру II, и самые связи революционных сообществ достаточно обнаружены, но, конечно, остались скрытыми еще многие зловредные элементы, ибо всегда явные и тайные руководители политических обществ, чем высшее имеют в них значение, тем более ограждаются таинственностью даже от своих едино-

мышленников». Однако, ни многочисленные аресты лиц, известных своею неблагонадежностью, литераторов и членов различных обществ, ни самые тщательные допросы их не давали в руки Муравьева никаких нитей к раскрытию тайных влиятельных руководителей; напротив, допросы только выясняли их полную непричастность к покушению и к московской «Организации». Таким образом к концу июня работа следственной комиссии была закончена, и весь огромный следственный материал мог быть отправлен в верховный уголовный суд, специально учрежденный по каракозовскому делу 28 июня 1866 г.

Правительство и реакционно настроенная часть общества совершенно не были удовлетворены незначительностью результатов, достигнутых комиссией. Вместо ожидаемого огромного заговора были обнаружены только небольшие кружки учащихся высших учебных заведений; суду же могло быть предано только сорок семь человек, из которых тридцать шесть не имели никакого отношения к «Организации» и совершенно не знали о готовившемся покушении. Очевидно было, что самым суровым наказанием некоторых участников противоправительственного сообщества оно не могло быть вырвано с корнем, и вовсе не достигалось сознание безопасности от подобных покушений на будущее время. Сознавал это и гр. Муравьев, который просил об увольнении его от дальнейших занятий по следствию, видя, что достигнуть каких-либо более значительных результатов он не сможет, и считая работы комиссии, в сущности, законченными.

Верховный уголовный суд никогда не был постоянным учреждением, а созывался высочайшими указами на каждый отдельный случай для суждения об особо важных государственных преступлениях: таким судом, например, были судимы Пугачев и декабристы. Учрежденный указом 28 июня 1866 г. верховный уголовный суд над Каракозовым и другими лицами, обвиняемыми в принадлежности к тайному революционному сообществу, значительно отличался от своих предшественников. Его председателем был назначен кн. П. П. Гагарин, принимавший деятельное участие в выработке только что утвержденных новых судебных уставов, которые и легли в основу верховного уголовного суда. Правда, дело разбиралось не гласно, а в Петропавловской крепости, в квартире коменданта, при закрытых дверях; напечатан был только окончательный приговор; но к участию в защите обвиняемых впервые были привлечены выдающиеся присяжные поверенные, которые постоянно присутствовали в суде и пользовались, согласно положению,

свиданиями с подсудимыми наедине, несмотря на протесты коменданта крепости; последний настаивал на том, что с политическими преступниками, заключенными в Алексеевском равелине, свидание с глаза на глаз может иметь только комендант или император. Председатель суда кн. П. П. Гагарин и обвинитель—министр юстиции Д. Н. Замятнин—строго держались новых судебных уставов и не допускали от них никаких отступлений. По отзыву присутствовавших, образ действия председателя отличался замечательным беспристрастием; все также отдавали справедливость сдержанности обвинителя. По словам защитника одного из подсудимых, министр юстиции не старался добиться, как делали впоследствии многие прокуроры, каких-нибудь особенных признаний, не задавал придирчивых вопросов и, вообще, держал себя очень спокойно, как бы желая выполнить ту роль добросовестного прокурора, которая предоставлялась составителям только что утвержденных новых судебных уставов. Защитники подсудимых тоже встречали со стороны суда самое внимательное и предупредительное отношение.

Вследствие этого, несмотря на тайну производства, в публике с первых же дней распространилось убеждение, что это совсем не такой суд, какими были прежние верховные суды, что это суд, действительно ищущий истины, а не только одного наказания. С другой стороны, в правительственных кругах справедливое отношение суда вызвало полное несочувствие и вопли, что дело суда в опасных руках и что сам председатель его подпал под влияние революционной партии. Такое мнение укрепилось особенно после того, как председатель кн. П. П. Гагарин не пошел по пути, подсказываемому гр. Муравьевым, который желал вмешаться в самое судебное разбирательство. Муравьев требовал предания верховному угол. суду и строгого наказания для всех участников московских кружков; между тем суд, воспользовавшись тем, что следствие обо всех участниках все же не было закончено, несмотря на согласие Александра II с мнением Муравьева, счел возможным, в первую очередь, внести обвинительные акты только против одиннадцати подсудимых, действительно прикосновенных к покушению 4 апреля. Благодаря твердости и самостоятельности суда, дело лишилось того кровавого оттенка, который непременно хотел придать ему Муравьева-вешатель, требовавший смертной казни для всех одиннадцати особо важных подсудимых.

Процесс одиннадцати главных подсудимых (Д. В. Каракозов, Н. А. Ишутин. П. Д. Ермолов, Н. П. Странден, Д. А. Юрасов, М. Н. Загибалов, О. А. Мотков. В. Н. Шаганов, И. А. Худяков, А. А. Кобылин,

П. Ф. Николаев) затянулся недолго. Первое судебное заседание состоялось 18 августа, а 31 августа были уже поставлены вопросы, на основании которых Каракозов был приговорен к смертной казни.

На суде почти все подсудимые держали себя нетрусливо, а один из них, Николаев, человек горячий, выделявшийся из среды других своею развитостью и начитанностью, не только не отказался от своих первоначальных показаний, но даже начал развивать свои социалистические убеждения после речи защитника и доказывать, что вопрос о цареубийстве есть вопрос философско-политический и что теорию эту развивали уже давно многие знаменитые ученые.

Почти все подсудимые, не отрицая своего участия в различных обществах, кружках, артелях, указывали, что, собственно, «Организация», как тайное революционное общество, еще не существовала и что все дело ограничивалось одними разговорами. В то же время они отрицали не только свою принадлежность, но и самое существование тайного кружка («Ада»), имевшего целью цареубийство, пользуясь тем, что существование его ничем не было доказано, кроме оговоров некоторых участников «Организации». Из всех подсудимых Ишутин особенно старался выгородить себя и оправдаться; он так часто менял свои показания, что разноречивостью их обратил даже особенное внимание суда.

Сам Каракозов не отрицал своих показаний, но просил обратить внимание, что покушение произведено им благодаря тяжелому душевному и физическому болезненному состоянию, которое заставило его раньше неоднократно думать о самоубийстве. Генерал-прокурор в своей обвинительной речи, наоборот, настаивал, что действия Каракозова не могут быть признаны проявлением болезненного состояния, но убеждают в том, что преступление совершено им сознательно, в исполнение того плана, который он признавал наиболее правильным путем для успеха революционной пропаганды. В виду этого обвинитель, признавая Каракозова действовавшим вполне сознательно, считал его подлежащим определенному в законе наказанию за покушение, т.-е. лишению всех прав состояния и смертной казни.

Защитник Каракозова, прис. повер. А. П. Остряков, в своей небольшой защитительной речи старался раз'яснить источник преступления и выяснить, действовал ли Каракозов по своей инициативе, или он был орудием посторонней воли, исполнителем замыслов кружка. Сомневаясь, что в кружке существовал серьезный заговор, Остряков отвергал второе предположение. Если же Каракозов, по его словам, совершил покушение

единолично, по своей инициативе, то непонятной является цель этого поступка. Бесцельность же только лишний раз свидетельствует о ненормальности подсудимого, на чем особенно и настаивал его защитник.

Конечно, защита Каракозова была совершенно безнадежным делом, так как иного приговора, кроме смертного, суд и не мог ему вынести. Весь вопрос состоял в том, будет ли казнен один Каракозов, или, кроме него, будут повешены Ишутин и Худяков, как ближайшие его соучастники. Члены верховного уголовного суда, считая, что следствие о Каракозове кончено, что преступление его имеет самостоятельное значение и не может быть ни уменьшено, ни увеличено дальнейшим производством, решили постановить приговор отдельно от других. Этим уже было также предрешено, что после казни Каракозова не могло быть и речи о смертной казни кого-либо еще из подсудимых.

31 августа на решение суда были предложены следующие четыре вопроса; на них были даны следующие ответы:

1. Изобличается ли Каракозов в предумышленном совершении покушения 4 апреля 1866 г. на жизнь священной особы государя императора?—*Изобличается.*

2. Имеются ли в деле какие-либо уменьшающие вину преступника обстоятельства?—*Не имеются.*

3. Участвовал ли Каракозов с другими лицами в преступных замыслах против верховной власти и установленного законами образа правления?—*Участвовал.*

4. Какому наказанию должен подлежать государственный преступник Каракозов?—*На основании ст. 241 Угол. Улож.—смертной казни через повешение.*

Наступили последние минуты Каракозова!

Когда председатель суда об'явил краткую резолюцию, осуждающую Каракозова на смертную казнь, Каракозов выслушал ее спокойно и, подергивая усики, сказал своим гробовым голосом: «а моя просьба о помиловании?» 1 сентября, в два часа дня, приговор был об'явлен в окончательной форме. Каракозов выслушал его и подал прошение о помиловании. Прошение это он начал писать сам, никак не мог кончить, исписал несколько листов и все не кончал; наконец, защитник его убедил написать коротенькое, но сильное прошение, которое и было представлено Александру II.

«Преступление мое, писал он, выше всякой меры, оно так ужасно, что я, государь, не смею и думать о малейшем хотя смягчении заслужен-

ного мною наказания. Но клянусь, государь, в последние минуты, что если бы не это ужасное болезненное состояние, в котором находился со времени моей тяжелой нервной болезни, бывшей со мною в московской клинике, я не совершил бы этого ужасного преступления. А теперь, государь, прошу у вас прощения как христианин у христианина и как человек у человека». На этом прошении Александр II положил следующую резолюцию: «Лично я в душе давно простил ему, но как представитель верховной власти я не считаю себя в праве прощать подобного преступника».

Для Каракозова все было кончено, и последняя надежда, связывавшая его с жизнью, была порвана. 2 сентября председатель суда вызвал Каракозова для сообщения ему результата его ходатайства.

Каракозов вошел с таким светлым лицом, что, очевидно, он ожидал услышать весть о своем помиловании.

«Каракозов, сказал князь Гагарин, государь император повелел мне об'явить вам, что его величество прощает вас как христианин, но как государь—простить не может».

«Вдруг, как молния, весь свет с лица несчастного исчез; оно внезапно потемнело и приняло суровое, мрачное выражение.

«Вы должны готовиться к смерти, продолжал князь Гагарин,—подумайте о душе своей, покайтесь».

В различных революционных воспоминаниях (Брешко-Брешковской, кн. Кропоткина) говорится, что Каракозов после осуждения вынес «заправские пытки, с выворачиванием суставов и пр.»; по их словам, «весь Петербург был уверен, что 3 сентября вешали не человека, а его труп». Конечно, это одна из тех легенд, которыми так богато мало расследованное еще каракозовское дело. Если еще можно говорить о каких-либо пытках (лишение сна) в начале следствия, когда от Каракозова надо было добиться признания и раскрытия соучастников, то теперь пытки были бесполезны: Каракозова *незачем* было пытать и выпытывать от него было *нечего*.

Последнюю ночь проводил Каракозов в темном каземате Петропавловской крепости. Ни последнего письма родным не написал он, ни последнего прощального привета не передал он своим товарищам. Одиноко прожил он свою недолгую жизнь и так же одиноко протекали его последние часы.

3 сентября 1866 г., в 7 часов утра, Каракозов был доставлен из Петропавловской крепости на Смоленское поле. Секретарь верховного уголов-

ного суда Г. Я. Есипович, присутствовавший при исполнении казни, так рассказывает в своих воспоминаниях о последних минутах Каракозова.

«Несмотря на ранний час, улицы уже не были пустые, а на Васильевском острове сплошные массы народа шли и ехали по тому же направлению, по которому ехали и мы. При виде наших карет пешеходы просто начинали бежать, вероятно, из опасения опоздать. Смоленское поле буквально было залито несметною толпою народа.

«Наконец, мы под'ехали к месту казни. Между необозримыми массами народа была оставлена широкая дорога, по которой мы и доехали до самого каре, образованного из войск. Здесь мы вышли из экипажа и вошли в каре. В центре каре был воздвигнут эшафот, в стороне от него поставлена виселица, против виселицы устроена низкая деревянная площадка для министра юстиции со свитой. Все было выкрашено черною краскою. На этой площадке мы стали.

«Скоро к эшафоту под'ехала позорная колесница, на которой спиною к лошадям, прикованный к высокому сидению, сидел Каракозов. Лицо его было сине и мертвенно. Исполненный ужаса и немого отчаянья, он взглянул на эшафот, потом начал искать глазами еще чего-то, взор его на мгновение остановился на виселице, и вдруг голова его конвульсивно и как бы непроизвольно отвернулась от этого страшного предмета.

«А утро начиналось такое ясное, светлое, солнечное!

«Палачи отковали подсудимого, взвели его на высокий эшафот и поставили к позорному столбу в глубине эшафота.

«Министр юстиции обратился ко мне: «г. секретарь верховного уголовного суда, об'явите приговор суда во всеуслышание»

«По ступеням эшафота я взошел на него, остановился у самых перил и, обращаясь к войску и народу, начал читать: «по указу его императорского величества»; после этих слов забили барабаны, войско сделало на-караул, все сняли шляпы. Когда барабаны затихли, я прочел приговор от слова до слова и затем опять возвратился на ту площадку, где стоял министр юстиции со свитою.

«Когда я сошел с эшафота, на него взошел протоиерей Полисадов, духовник Каракозова. В облачении и с крестом в руках он подошел к осужденному, сказал ему последнее напутственное слово, дал поцеловать крест и удалился.

«Палачи стали надевать на него саван, который совсем закрывал ему голову, но они не умели этого сделать как следует, ибо не вложили рук его в рукава. Полицеймейстер, сидевший верхом на лошади возле эша-

фота, сказал об этом. Они опять сняли саван и опять надели так, чтобы руки можно было связать длинными рукавами назад. Это тоже, конечно, прибавило одну лишнюю горькую минуту осужденному, ибо, когда снимали с него саван, не должна ли была мелькнуть в нем мысль о помиловании? И опять надевают снова саван, теперь в последний раз. Впрочем, он, повидимому, потерял всякое сознание и допускал распоряжаться собою, как вещью. Палачи свели его с эшафота, подвели под виселицу, поставили на роковую скамейку, надели веревку....

«Я отвернулся и простоял за министром юстиции боком к виселице все 20 или 22 минуты, в продолжение которых висел преступник... Наконец министр юстиции сказал мне: «его положили в гроб».

Я повернулся к виселице и увидел у подножия ее простой гроб, который [illegible] веревкою. Тут же стояла телега в одну лошадь. На [illegible] положили гроб, и правосудие человеческое кончилось!»

После казни Каракозова, с которой торопились в виду предстоящего приезда невесты наследника, принцессы Дагмары, судебное следствие продолжалось безостановочно, и 24 сентября 1866 г. [illegible] приговор всем остальным тридцати четырем подсудимым. Ишутин, как «зачинщик замыслов о цареубийстве и как основатель общества, действия которого клонились к экономическому перевороту [illegible] прав собственности и к ниспровержению государственного [illegible], был присужден к смертной казни через повешение; члены «Организации» и участники «Ада»—к каторжным работам на разные сроки; Худяков—к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири; шестеро—справедно, а остальные, по мере их виновности,—приговорены к ссылке на поселение или заключению в крепости. Приговор был смягчен Александром II, и Ишутину смертная казнь была заменена ссылкою в каторжные работы без срока. По предварительно над ним была проделана жестокая комедия: он был привезен на место казни, там ему был прочитан приговор, надет саван, спущен на глаза колпак, и в то время, когда надо было его уже взять на веревку, явился фельдъегерь, об'явивший помилование—замену смертной казни пожизненной каторгой.

Большинство осужденных по каракозовскому делу не принимали уже участия в политической деятельности. Многие из них навсегда остались в Сибири, некоторым в 1884 г. было дозволено проживать в пределах Европейской России, и только один Н. Ф. Николаев, отличавшийся и раньше своею развитостью и начитанностью, впоследствии сотрудничал

в «Русской Мысли», оставил ценные воспоминания о Н. Г. Чернышевском, с которым пять лет провел на Александровском заводе Забайкальской области, и перевел ряд ценных научных трудов.

Наиболее трагически закончили свою жизнь Ишутин и Худяков. После помилования Ишутин был отправлен на каторгу, но неожиданно его вернули с дороги и в октябре 1866 г. заключили в Шлиссельбургскую крепость для пожизненного содержания в ней в числе секретнейших арестантов. Все это было проделано в строжайшей тайне, и даже коменданту крепости было предписано не упоминать в бумагах имени Ишутина—так и писали о нем, как об «известном арестанте», препровожденном в крепость такого-то числа. В крепости, однако, он пробыл только полтора года и в октябре 1868 г. был отправлен в каторжные работы на Александровский завод Забайкальской области. Допросы в Муравьевской комиссии, тяжелая комедия с помилованием и пребывание в Шлиссельбургской тюрьме, очевидно, повлияли на умственные способности Ишутина, и он прибыл на каторгу уже душевно-больным человеком. Условия пребывания на каторжных работах, конечно, не могли способствовать его выздоровлению, и он так и умер сумасшедшим в злейшей чахотке на Каре 5 января 1879 г. Врач, на руках которого умер Ишутин, пишет в своих воспоминаниях, что он страдал манией преследования и производил крайне тяжелое впечатление: «небольшого роста, худой, бледно-желтый, с пергаментной кожей, с желтовато-землистым лицом, с круглой огромной головой, с всклокоченными волосами и небольшой редкой бородкой, в казенной белой холщевой рубахе и портах, в сером халате и туфлях на босую ногу, постоянно двигавшийся из угла в угол палаты, с невнятным бормотанием вполголоса,—он производил тяжелое, удручающее впечатление.

«Ходя из угла в угол по палате, с приложенным к носу пальцем, он, видимо, думал о чем-то, думал и думал... Его рассказы были несвязны; перескакивая с предмета на предмет, он не мог сосредоточиться, не мог и последовательно передать свою мысль и, останавливаясь иногда на полуслове, улыбался беспомощной улыбкой.

— «Как же, как же... видел... знаю... помню... хороших людей много в Москве. В Питер я ездил, экстренно ездил... опоздал... Каракозов уехал... опоздал... непоседа был... что-то теперь делается? Давно я солнышка не видел, очень давно, забыл... В Петропавловке сидел... Муравьева помню... да, да... Об этом после когда-нибудь... После... после... Рыбку бы я поудил, давно не уживал, не видал воды, солнца, леса—все по казематам... По ночам меня гложет, не спится мне; сторонятся от меня, вижу, что сторо-

нятся... на солнце взглянуть хочется, на воду, давно, давно их не видел... О Муравьеве после, после... Подумать надо, подумать...».

Так и думал несчастный Ишутин, думал до самой смерти, но ни одного слова о Муравьеве так и не сказал до последней минуты своей жизни.

Так же трагически закончил свою жизнь и И. А. Худяков. Присужденный к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири, он был помещен, действительно, в глухую дыру—город Верхоянск, город, в котором, по выражению Худякова, только и новостей, если кто увидит что-либо диковинное во сне. III Отделение придавало Худякову настолько важное значение, что даже подослало к нему своего агента, который, прикинувшись ссыльным поляком, должен был выведать от него все, чего он не сказал на следствии. Сначала Худяков надеялся на какое-то скорое освобождение, но, несмотря на усиленные хлопоты матери, его положение не улучшилось; напротив, власти доносили, что Худяков исправления не обнаруживает, к существующему порядку нерасположение сохраняет и в поведении, вообще, не одобряется. Шли годы, надломленные силы гасли. «Если вас спросят, писал Худяков в 1869 г. матери, кто самый несчастный человек на свете? Отвечайте—тот, кто поставлен в бесконечно бессрочное бездействие и гниет заживо не от отсутствия сил и способностей, а от отсутствия возможности употребить их в дело. Разглядев положение, в которое поставил меня приговор верховного суда, невольно вспоминаю слова поэта:

«Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?».

Худяков, как и Ишутин, не вынес потрясений, лишений и вынужденной бездеятельности; здоровье его пошатнулось, и уже в начале 70-х гг. он начал заговариваться. Тяжелое впечатление оставляют его записки, которые он вел, будучи уже сумасшедшим. Бессвязно перескакивая с одной мысли на другую, не оканчивая начатых слов, писал Худяков о множестве существ, которые живут и передвигаются в его мозгу, пользуются его памятью, внушают ему свои мысли и желания; беспокоили его то какие-то теплые световые лучи, выходившие за пределы атмосферы и пронизывавшие его, то какой-то золотой фонд, оставшийся в Москве после нашествия французов; но еще тяжелее читать среди этого бессвязного бреда вдруг промелькнувшую у него здравую мысль: «Дворянин Н. Огарев, автор многих стихотворений, сотрудник «Колокола», живший в одной квартире с Александром Ивановичем Герценом, много раз в России, Англии и Швейцарии, был родственник и друг последнего; с ним я видался, п

крайней мере, раз пятнадцать; при от'езде моем из Женевы в Россию 18 ноября 1865 г., он вспомнил о каком-то попе Павле, чтобы дать к нему какие-то письма». Только на мгновение проблеснуло сознание, и опять душевная тьма, опять ругательства и бессвязный бред.

Между тем попечительное начальство не верило Худякову, думая, что он только притворяется помешанным, чтобы иметь возможность, при ослаблении надзора, скрыться за границу. В виду этого, несмотря на отчаянные письма матери, Худяков был оставлен на прежнем месте жительства без ухода, без какой-либо медицинской помощи. Только в 1875 г. он был переведен, наконец, в иркутскую больницу, где положение его было признано совершенно безнадежным. В Иркутске Худяков прожил еще год и умер, не приходя в себя, 19 сентября 1876 г. на тридцать четвертом году от роду.

Читая о судьбе Худякова и Ишутина, трудно сказать, с кем «милостивее» поступило правительство и кому из трех было лучше—повешенному ли Каракозову, или заживо погребенным Худякову и Ишутину?

VI.

Каракозов был повешен, его товарищи разосланы в каторжные работы, и правительство могло торжествовать свою легкую победу. Какое же впечатление на общество и правительство произвело покушение 4 апреля? Оправдало ли оно надежды, возлагавшиеся на него Каракозовым? Принесло ли оно какую-нибудь пользу для революционного движения? Было ли оно своевременным, и какое значение имел этот факт в истории России?

События показали прежде всего, что выстрел 4 апреля был преждевременным: что идея царизма была еще очень популярна в массах и что Александр II был еще окружен ореолом «царя-освободителя». Покушение вызвало взрыв энтузиазма, патриотизма и верноподданнических чувств, и нельзя сказать, чтобы патриотические манифестации были только проявлением казенного восторга. Со всех концов России неслись выражения сочувствия Александру II и негодования на «злодея», поднявшего руку на «помазанника божьего». «Невозможно представить себе,—пишет в своих воспоминаниях современник события,—что делалось в Петербурге в этот вечер 4 апреля, когда выстрел в русского царя был первым выстрелом, раздавшимся в России. Можно безошибочно сказать, что весь Петербург высыпал на улицу. Движение, волнение невообразимое. Беготня

во все стороны, преимущественно по направлению к Зимнему дворцу, восторженные восклицания по адресу Комиссарова, группы народа, поющие «Боже, царя храни», и тут же импровизированные оркестры, играющие— и довольно фальшиво, хотя и с великим усердием—тот же гимн». Такое же настроение охватило и жителей, и администрацию и в Москве. Народ поили из выставленных купцами на Красной площади винных бочек; повсюду гремели оркестры; огромные толпы распевали народный гимн. Большая толпа студентов двинулась с пением «Боже, царя храни» к Иверской часовне, служила там молебен, оттуда пошла к университету, вытребовала портрет царя, при чем ректор сказал патриотическую речь. По дороге демонстранты сбивали со встречных шапки: с тех, кто не обнаруживал достаточной теплоты чувства или не понимал в чем дело. Подобные же манифестации происходили буквально во всех городах России, и отдельные сочувствовавшие Каракозову голоса являлись крайне редкими исключениями.

Не сбылись ожидания Каракозова, что покушение разбудит народ. Покушение не было понято, и массы во всем винили дворян-помещиков. «Молись, барин, молись,—сказал один петербургский извозчик—благодари Бога, что помиловал вас; попади он в государя, не сдобровать бы вам, господа». «Счастье их, что Каракозову не удалось убить государя, а то бы мы напрудили Фонтанку дворянской кровью». На этой почве и сложилась легенда, что Каракозов был подослан дворянской партией, желавшей отомстить за освобождение крестьян. После покушения Александр II как бы вырос в глазах народа, и на него начали смотреть, как на крестьянского заступника. Распространился слух,—доносит 14 апреля начальник воронежского жандармского управления,—что после неудавшегося покушения Александр II приказал непременно отнять все земли у помещиков и отдать их крестьянам. Крестьяне верят этим слухам и от каждой партии землемеров ожидают исполнения высочайшей воли.

Не вызвал сочувствия поступок Каракозова и в рядах оппозиционных партий. Называя покушение Каракозова безумием, Герцен писал о «бесконечно печальных новостях из России. «Выстрел 4 апреля растет не по дням, а по часам в какую-то общую беду и грозит вырасти в еще страшнейшие и еще больше незаслуженные Россией бедствия. Полицейское бешенство достигло чудовищных размеров, темные силы еще выше подняли голову, и испуганный кормчий ведет на всех парусах чинить Россию в такую черную гавань, что при одной мысли о ней цепенеет кровь и кружится голова».

Действительно, правительство как нельзя лучше использовало в своих целях выстрел 4 апреля. В покушении Каракозова оно нашло окончательное оправдание своих реакционных мер и, опираясь на сочувствие народа, не стесняясь ничем, начало новый период, период мрачной реакции и беспощадной борьбы с общественными силами. 13 мая 1866 г. в рескрипте на имя председателя комитета министров Гагарина впервые определенно прозвучало слово, возвещавшее начало этого нового периода. Расследования особой следственной комиссией причин, вызвавших покушение, привели ее председателя, гр. Муравьева, к мысли, что «горестное событие, совершившееся 4 апреля, есть последствие полного нравственного разврата нашего *молодого поколения*, подстрекаемого и направляемого к тому в продолжение многих лет *необузданностью журналистики* и вообще нашей прессы». Последняя, вместе с «допускаемым вредным направлением *народного образования*», проповедуя «разрушительные социалистические» начала, «постепенно колебала основы религии, общественной нравственности, чувства верноподданнической преданности и повиновение властям». Помогло достигнуть «злонамеренным тайным руководителям» своей цели также допущенное «*ослабление власти* во всех управлениях и вообще в правительственных учреждениях». Подчеркнутые выражения доклада Муравьева легли в основу рескрипта 13 мая. Воспитание юношества должно быть направляемо «в духе истин религии, уважения к правам собственности и соблюдения коренных начал общественного порядка»; те же начала должны проводиться и в частной семейной жизни. Торжественно подтверждалась «полная неприкосновенность права собственности во всех его видах, определенных общими законами и положениями 19 февраля 1861 г.». К охранению и утверждению этих начал «должны стремиться все лица, облеченные правами и несущие обязанности государственной службы... Все начальствующие должны наблюдать за действиями своих подчиненных и требовать от них точного исполнения их обязанностей». Наконец, для успешного проведения мер против пагубных учений необходимо «содействие здравых охранительных и доброжелательных сил, которыми Россия всегда изобиловала». Усиление власти, предоставление решающего влияния охранительным—реакционным силам и твердое соблюдение указанных начал, по мнению Александра II, положат конец преступным стремлениям, которые должны подлежать справедливой каре закона.

Возвестив новые начала, правительство немедленно стало проводить их в жизнь. В первую очередь пострадали немногие оставшиеся либераль-

ные представители высшей администрации (министр народного просвещения Головнин, петербургский генерал-губернатор Суворов), печать и студенчество. «Рассадники крамольного духа»—журналы «Современник» и «Русское Слово»—были закрыты навсегда, а в видах обуздания студенчества, признанного неблагонадежным, благодаря участию в деле Каракозова, преемником Головнина, знаменитым гасителем просвещения гр. Д. А. Толстым, были выработаны особые правила. Согласно этим правилам, в обязанность учебного начальства и полиции было вменено взаимно уведомлять друг друга о всех «действиях, навлекающих сомнение в нравственной и политической благонадежности студентов»; всякие студенческие организации (кружки, землячества, кассы взаимопомощи) были запрещены; сокращено также, по мере возможности, количество студентов и, особенно, вольнослушателей в университетах.

Вместе с обузданием крамольного духа русской журналистики и нигилистического настроения студенчества, гр. М. Н. Муравьев рекомендовал обратить особенное внимание на усиление власти губернаторов. Вполне соглашаясь с ним, Александр II 22 июля 1866 г. утвердил положение, которым под ближайший контроль и надзор губернаторов отдавались не только все чиновничьи власти, но и органы местного самоуправления (земства и т. п.); без разрешения губернатора никто не мог быть принятым на службу. Вообще по новому положению губернатор должен быть как бы представителем высшей власти в губернии. Все эти меры, и особенно последняя, были только началом той беспощадной борьбы, которую русское правительство об'явило русской общественности, не обращая внимания на первое предостережение, каковым был выстрел Каракозова. «Мы не увидим конца этой борьбы,—пророчески писал Герцен,—вряд ли увидят младшие из юных; туго развивается история, упорно защищается отходящее, медленно и смутно нарождается водворяемое».

По если 4 апреля 1866 г. должно считать поворотным пунктом правительственной деятельности, то таковым же можно назвать его и в истории русского революционного движения. Покушение Каракозова имело огромное влияние на дальнейшее его развитие, так как было первым шагом от слов к делу. «Выстрел Каракозова,—писала впоследствии одна из первых пропагандисток Е. Брешковская,—был ударом, удивившим, поразившим одних, смутившим, вогнавшим в раздумье других. Пусть ругают и поносят Каракозова; пусть родные его стыдятся фамилии своей; пусть вся Россия распинается в преданности царю и подносит

ему адреса и иконы! А он все-таки *наш*, наша плоть, наша кровь, наш брат, наш друг, наш товарищ!» Следующее крупное дело—нечаевское—тесно связано с московской «Организацией»; идея Каракозова, видоизменившись, проводились в жизнь нашими «активными народниками» 70-х г.г.; невидимые нити связывают, наконец, Каракозова с деятелями партии «Народной Воли», продолжавшими его дело. Правда, многие погибли, подобно Каракозову, на виселице, многие сгнили заживо на каторге, подобно его товарищам, многое пришлось перенести русскому народу, которого так горячо любил и которому так беззаветно верил Каракозов. Но, наконец, настало и то время, когда никто и ничто не смогло остановить «порывов народной злобы и гнева» и когда вспыхнувшее пламя первой рабочей революции, о которой мечтал Каракозов, как пожаром охватило всю Европу!

Февраль—март 1919 г.

БИБЛИОТЕКА
Инстит. Красн. Профес.
Инв. №

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Маркс, Петроград, Измайл. пр., № 29.